

Протоіерей Серій Петрович Петровскі

Моя автобіографія
(Предисловіє)

Мысль занятыя описаніемъ своей жизни пришла мнѣ совершенно случайно: послѣ покойнаго отца моего осталась немъ забытая тетрадь, въ которую его рукою занесены были многіе факты изъ его жизни, но къ сожалѣнію очень кратко описаны. Ученге этой оставшейся рукописи послѣ его трагической смерти было нестолькимъ употребленіемъ. Какъ живая вставая она предо мной въ этой своей краткой семейной хроникѣ и хотѣлось читать, читать и перечитывать ее безъ конца... Этотъ трудъ и бластнула у меня мысль: а хорошо-бы заняться описаніемъ своей собственной жизни. Съ одной стороны этотъ трудъ, можетъ быть, сдѣлается истиннымъ и дорогимъ для моихъ сыновей, а съ другой — такъ пріятно отдастся воспоминаніемъ своего былого, унесется на крыльяхъ мечты...

своему золотому детству, и днзям своей
летописной юности и воскресить в памяти
та чудная зрѣя и сна, которыми такъ богата
красна была весна моей жизни. Хотя и мало
равнитою еще прошло, а какъ много пережило,
какъ много всякого - и отрадных и тяжелых -
печатливыхъ мѣло на сердце, какъ много разныхъ
вѣдъ и вѣдъ встрѣчало на жизненномъ пути, что
если-да все это подробно описать, то получимая-да
маленький трудъ и, мочи-да, въ какъ-то-то опы-
тении интересной, но я и не задаю такой серьез-
ной и обширной задачи и не ставлю передъ собой
такой серьезной цели. Буду писать въ воспомина-
тельномъ порядкѣ все, что воскреситъ легко память,
буду стараться вѣдывать тотъ мой безрегистра-
ционный, который всегда въ автобиографіяхъ беретъ
роль романсѣ хитателами, но буду надрываться
что крошечная близкая родная никто и не-
будетъ читать и читать строки, для которыхъ
знается и которыми посвящается этотъ мой трудъ

1991 года. Января 22г. с. Каринское.

Автобіографія

Годомъ моего рожденія былъ 1881^й годъ - 21^е
сентября въ с. Анненковъ, Сибирскаго уѣзда, у моихъ
родителей Петра Григорьевича и Фелатей Алексеевны
Петровскій родился сынъ Сергій, т. е. я. Такъ
какъ родившихся раньше меня детей (ишь было четверо
не осталось въ живыхъ, то понятно рожденіе моего
ребенка внесло въ семью новую надежду, что, можетъ
быть, этотъ новорожденный останется жить и при
естъ родителями тѣ свѣтлыя семейныя радости,
которыя кѣтъ смысла въ совлѣстной супружеской
жизни. А мои родители въ это время особенно ку
сидались въ чемъ-нибудь такія свѣтлыя, отрады
и радостныя, чѣмъ дома-бы отца кѣтого скрашен
посл торкая не радостная жизнь. Въ с. Анненковъ он
только незадолго лишь передъ моимъ рожденіемъ
привѣли изъ далекой Пермской губ., куда в 1875
отъѣзъ былъ сосланъ, безъ лиценціи правъ, по дѣлу
неправильной выдачи 2^й императорской воли на
лицо и откуда ему разрѣшено было по Высочайше
повелѣнію снова возвратиться на родину въ 1881 году

Изъ далекой ссылки родители возвратились въ Сибирь, а попали въ Анненково, въ конце Августа 1881 года и поселились пока въ доме моего дядушки, отца моей матери, Алексея Ивановича Воецкого, бывшаго въ то время псаломщикомъ. Сильдов, домъ дядушки и была моей первой колыбелью, противившей новорожденнаго сына изгнанниковъ-родителей. Старика оба были прекрасные люди и въ наш домъ мы прожили до начала 1882 года, когда отецъ мой снова былъ принятъ на службу по духовному ведомству и опредѣленъ псаломщикомъ въ с. Сооку, Селенг. у., откуда въ конце этого года былъ переименованъ на мѣсто дядушки въ родное Анненково, который по слабости своего слуха и возмущенъ имъ псаломщикомъ недоразумѣній, сдѣлавъ свѣдѣтельство моему отцу и помогалъ ему рядомъ съ своимъ домомъ купить собственннй домикъ и заняться хозяйственной жизнью семейства сельскаго псаломщика. У меня объ этомъ родительской домъ сохранилось отчасти свое впечатлѣннй; онъ былъ небольшою, уютной, а главное онъ былъ рядомъ съ домомъ дядушки и бабушки,

конечно я тогда любил и к которым поставила
более сильные бдительные. Из кухни грядущиха дома
на наше дворы выходило небольшое окошечко и в него
часто более можно смотреть что там делается:
обладала, почти так, там бабушка вынимала из печи
какая-нибудь вкусная булка. Из кухни раздавала маскам
все приватно и через минуту там уже был чай...
Бабушка (Катерина Федоровна) была совершенно тихо
но внимательная и добрая старушка, она всегда так
ласкала и приветала нас своих маленькими внучатами
Объясняла мы с ней, крота троекратно над глазами уло
а то сразу брали ее за руку и подводили к запер
тому завешанному шкафу, где всегда хранились всякие
сласти и своими масками и поцелуями проводили
ее до того, что она брала ключи, отпирала шкаф и
надевала нас гостинцами. Старикки жили в достатке
и не только ни в чем не нуждались, но еще в достаточной
степени помогали своим друзьям, особенно своим роди
телям и дома наш всегда был полным чаем.
Дядушка (Алексей Иванович) был прекрасный старик.

Взрослого роста, с большой бородой, всегда в духов-
ном подряснике, он казался на вид почтенным
социальным проходимцем. Даже помню одну курьез,
происшедшую с ним, когда в семидесятые он приехал
к нам в Сутяжское и пришел в церковную сторо-
жку, сторож почитательно встал и подошел к
нему под благословение. "Не моя неделя, пошутим
старик, а потом выявил ему, что он... только
наипачтанный псаломщик. Он был удивительно сло-
воохвативый и остроумный собеседник, а особенно если
попадет рюмка", то кончился его путь к концу.

Из этого далекого детства я помню свое увлечение
церковными танами и вообще церковной аурой, когда
стараясь изобразить собою священника, для чего обычно
всегда брали первую попавшуюся головную платку, конца
его на подобие ризы завязывали у подбородка и отпав-
лялся к "фигурке с бадиной" с "молебенной". За
"служение" молебен обычно давался трещинник (1к) или
семитинник (2к), после чего открывался приятная форон
в лавочку к "Поліевктовні" за праником или конфектом.

Мой отецъ, діаконъ А. Г.
Пестровскій.

Годы моего детства в с.
Анненковъ были непродолжи-
тельными: въ 1887 году отецъ мо-
е былъ посвященъ въ санъ діа-
кона съ назначеніемъ, его въ
с. Сутяжино, Анапск. уездъ.
Но все-же первая дѣтскія
впечатлѣнія (были слышны
и ярки. Я прекрасно помню
расположеніе села, архитек-
туру Аннинскаго храма,
два орошныя пруда окле-
нныя, а вдали тѣнистый
лѣсъ и постоянно вертя-

щійся мельница на окраинѣ села. Даже теперь,
много лѣтъ спустя, когда я несутъ своими воспомы-
ніями къ днѣмъ моего золотого детства, какъ-то
чуждо дѣлается на душу и какъ мало этия лѣта
промелькнувшия какъ сонъ невозвратнаго днѣя, это
ясная утра моей сознательной жизни!

В 1887 году, 12 июля, мой отецъ былъ рукоположенъ
въ санъ діакона; рукоположеніе совершено въ Сибирскомъ
Кавоградскомъ Соборѣ и на это торжество былъ взятъ
матерью и я, но представленія обо всёмъ видѣнномъ у
меня сохранились на столько неясныя, что я, какъ во
слѣдствіе, представляю и Соборъ, и архіерейскую службу, и
однаго въ духовную одежду отца, но зато отчетливо
помяну карусель, на которую меня посадили вечеромъ
и то обещаніемъ, что мой конь остановился по окон-
чаніи катанья не тамъ, гдѣ я сѣлъ на него и гдѣ стояли
мой отецъ и мать, а на противоположной сторонѣ и
я, не находя глазами своихъ, началъ громко плакать.
Нашъ семейный переездъ въ с. Сутяженое пошелъ по
задуманному до осени, казаясь причиной была болѣзнь ма-
тери, съ которой мой уже въ двоемъ этапѣ дожи-
вался отъ отца изъ Сутяженнаго подвозъ уже по
санному пути. Пошли пріехали мужики, чаше радуж-
но встретили, нагрузили два повоза небольшою добычею
и отправились въ путь. Путь былъ длинный, тяжелей-
шимъ 3-4 дня и стужо измучились. Но зато

съ какой любовью и радостью встретил нас отец,
находясь к тому времени уютную квартиру и при-
нявши в услужение ту "Ивановну", которая потом
въ теченіи 15 лѣтъ была нами второю матерью и
которая первая вслѣдила нас встречать, взяла меня
на руки и осыпала той любовью и ласками, которая
у нея хватало потом на всю послѣдующую жизнь!
Это была пожилая вдова, помнившая времена крепо-
стничества, дѣтей у нея никогда не было и она всю
нѣжность своего женскаго сердца перенесла на нас,
т. е. на меня и на послѣдующую дѣтей. Въ высшей
степени теплая, благородная и спроста по своей жизни
она оказывала на насъ благотворное вліяніе. Мои роди-
тели любили ее какъ сестру, а мы своего отцовск
ней соединили съ той любовью и уваженіемъ, какую
дѣти питаютъ ^{обыкновенно} къ родителямъ. На своихъ рукахъ
она укачивала насъ (меня и мою сестру), пѣла намъ
свои нѣжнорыи, но задумывая колдовскія пѣсни,
разсказывала сказки, но за тѣмъ за шажетіи умела
и бранить. И какъ любили мы ее! Шеперъ, когда я

пишу. Эти строки, ей давно не читал на свете, но благодарная память о ней живет в моем сердце и мне так сладко вспомнить это имя, с которым связано столько отрадных воспоминаний детства и золотой юности.

И вот, таким образом, началась наша жизнь в Сутяжковом. Здесь протекло все мое оставшееся детство, вся юная пора жизни и для меня жить на землях другого уголка, который был - был так близок моему сердцу, был - был так полон воспоминаниями, где каждой куст, каждый овражек, каждая "вершина" (так назывались овраги, поросшие орешником и дубняком) были хорошо знакомы с самого юного дня, куда со своими сверстниками я бегал и за ягодами и за орешками, где как вольная птичка, порхал по родным полям и лугам, ни заботы, ни печали не знала...

Бог помог отцу купить свой собственный домишко, с небольшим фруктовым садом и вот это-то сажу в течение жизни 15 лет

были неограниченными нашими светлыми радостями и
удовольствиями, которая заставляла нас природу
"как невесту любить и с природой тогда как
с сестрой говорить". Тогда, в этот милый сад, под
эти стройные яблони и тиссы вишни, и теперь
умищу я часто мечтой, вспоминая с грустью
невозвратное прошлое, сказки моего далекого детства
и золотая сна моей красивой юности...
Рядом это раскинуто в чудной впадине или утесе ска-
зат в обрат, на берегу которого стоит старинная
каменная церковь, с высокими-высокими шпилями и коло-
нами по бокам. Я любила этот храм, с его высоким
светлым куполом, с его чудными светлыми звонами
особенно любила этот неравненный звон. Большого
колокола, потухавшего в пасмурную ночь утлую
бурю в души самота возмущенного мечтаний и
чувств. - В замкнутости сердца. Идешь и всегда
этот звонит пасмурного звона и как живой музкой
упиваешь волною ^ссередраного звуков, затухавших
своей неземной музкой всего грешную скорбь и земное
томление души.

Если в самом деле нельзя указать особенно краси-
вого места в художественном смысле, то видъ,
открывающийся изъ нашего сада болѣе прямо восоеми-
тельнымъ, особенно съ его восточной стороны. Крутою
направо и налѣво болѣе спущенные сады, а тамъ впереди,
съ востока, открывалась великолѣпная картина заурья
(за р. Сурой), чернѣли высокій темный боръ, болѣе или
менѣе утѣселъ правое берега Сурой, нѣсколько ближе
виднѣлись избушки ближайшаго села (Сырѣва), а вѣтѣ
его задумчиво чернѣла дубовая роща, какъ бы допи-
навшая собой ту самую задумчивую картину при-
роды, которой я такъ привыкъ любоваться и на кото-
рую любилъ задумчиво смотрѣть съ самаго юности
и вплоть до того самаго дня, когда ^{пришло} окинуть
всю эту картину своимъ грустнымъ прощальнымъ
взоромъ... — Рядомъ съ нашимъ садомъ болѣе сады
имѣли свѣщенника; это болѣе старый запущенный
садъ, но къ нему примыкала такая прелестная
вишневая роща, которая я мало видѣлъ потомъ.
Весной " какъ молоко облетѣя стояла эта сады

вишневого", а летом как кровавыми пурпурными
одгнуты эти вишневые ветви в свои красная ягода,
поздней-ше осенью, когда налетит листопад, нарядятся
эти деревья в свой золотой наряд и блестят это
наряд золотыми багрянцами при печальном свете
холодного осеннего солнышка. — В отцовском саду
была деревянная крытая "беседка", изъ двери которой
было видно и доли, и церкви, и весь сад, как на
ладони; а так-же тотъ великолпный уголок востока,
о которомъ я выше говорилъ. Съ конца мая и до самаго
конца августа эта беседка была нашей главной дачей,
куда мы окончательно переселились и съ своими посто-
лами и съ своими книгами, и здѣсь въ нашей товарище-
ской кругу велись тогъ нескончаемые разговоры и рассказы,
которые окрашивали наши вечера и тогда летнія ночи
въ ту поэтическую окраску, которой такъ красна и
богата своими пейзажами-наблюдениями переживаніями
эти золотыя поры жизни. Особенно любилъ я тогда
тматя, ласкающія июльскія ночи, зашпалъ задушившіе
лучники сіяніемъ; любилъ смотрѣть на усвѣтленны

задумавшись, как же надо, любить спокойное безмятежное, задумчивое
лицо сада и среди этой чарующей картины любить
слухать трепетное, охватывающее до сердце мотив деревенской
хорошей песни, которая "по весне, на заре
днемали до нас"; любить звуки вечернего колокола,
которые перекатывались по вечерним долинам,
любильно смотреть в ту задумчивую даль, где "заря
догорая летит, где вихри и вьюги и вьюги свои и
мерцают дрожа огнями". А больше всего любил
я песню, задумчивую, сердечную песню, которая плакала
и своими словами и своими звуками, волновала грудь
и поднимала в ней волны невообразимой славы
чувств и благородная порывов и чувств. И с песней,
как с другом, текли текли эти незабвенные дни:
пели я, пели товарищи, пели отец, обладавший вели-
колепным даром и приятным голосом, пели потом
дети и даже мать. Пели о прекрасной природе, про
милостивую ниву, про "вечерний звон", пели про "дети-
шки", пели на чудесных судьбы врат, пели про "дети-
шки", про "дубинки" и про "большое море".

Мой отец и моя мать

Вообще трудно перечислить
все детские радости и тя-
готы, какими дарима
наша жизнь в теплом
родительском гнезде,
под крылом нежной ма-
муси матери и поощ-
рительной лаской доброго
отца. Незаметно, как во-
сне, пролетели первые
детские годы и настала
пора школьного учения,
которая ограничила время

детская фантазия и всевозможная развлекательная,
все-ми оставшая еще широким простором для других
развлечений, более соответствующим школьному возрасту.
Первым моим учителем был мой родной отец.
В Сутякино он был не только диакон, но
и учителем церковно-приходской школы, которая свои
занятия не имела и проводила в церковной сторожке.

Учитися я почав з семи літ, перші книжки
мої були букварі Михайрова і грамота мене
давалося вивчити легко. Но як розвинулося моє
читання, т. е. отцево, вони не мали підготовчої
підготовки, учив нас без всякої підготовчої
приємаць, а просто, якби суміло, приємливими спо-
собами, отцево, хочемо, не могло дати чіткої
постановки думки. На мене це сказалося потім
в духовному училищі і далі в семінарії, когда я
долго не мав усвоити ні правил орфографії, ні
правил арифметики, і дрібні привички усваивав
менш механічно, без твердих і достаточних
оснований, осталося у мене куті-лі не в кожен
період моєї шкільної життя. Научившись читати
і писати, я скоро научился і славянському азбуку,
а з знаннями его, уже на второму році свого
учення, я виступав в церкві, читая часи, шесто-
псалміє і канони, не пропускав ні одной празнич-
ної служби і помігав псаломнику в его киро-
сану тридцять, а потому псаломнику (а чиха в

Супругомъ Сидорова нѣскольکو) бѣли своими
большими друзьями, старался сдѣлать всегда какъ
какую-нибудь любезность, а одинъ изъ нихъ (Н. П. Прокоп)
даже бралъ меня гостить въ домъ своего отца,
засиженнаго Четвертасковскаго благочиннаго, что соста-
вило почти цѣлое событіе въ моей дѣтской жизни.
Кромѣ тѣхъ на кресте, я бѣлъ и пѣвчимъ въ
организованномъ мной отцовъ хорѣ. У отца
бѣлъ высокій, чистый и пріятный диаконъ, съ
которымъ я скоро освоился и диаконская партія
въ хорѣ отца никогда не страдала. У отца бѣла
впечатлительная музыкальная душа, она страстно
любила пѣніе и особенно церковное, а потому во-
пользовался своимъ положеніемъ въ роли школь-
наго учителя, чтобы организовать церковный хоръ,
въ составъ котораго вошли и мальчики изъ взрос-
лыхъ. Передъ праздниками Рождества и Пасхи
цѣлые вечера угодили на разучиваніе нотныхъ пѣс-
енъ давалось много труда, а еще болѣе любви въ
это время дѣло, но зато какое нравственное

наше дело! Надо было надгласить фонарей, разукрасить
наша харовья повет, организовать сборъ пожертвованій
на пасхальныя украшения и ея цестю выйти изъ
встае этиахъ предначинаній и хлопотъ. Памятна
и глубоко-поэтична была всегда эта дивная, нерав-
ненная и свѣтлозарная пасхальная ночь! Обанно сов-
паде съ пробужденіемъ природы и ея первыми теплы-
ми весенними днями, Моеа дѣйствительно пере-
живаю и чувствуюсь какъ „праздниковъ праздникъ“
и сивковъ подброно воскресенія. Въ воздухѣ чувствую
валог дѣланіе вестя, ароматъ оттаивающей земли
и первой весенней травы, слышится троекое журчаніе
весенняя крикливая ругань и веселое шубетаное
при перелетной пернатой гостей. Памятно
и знаю тѣмъ, обочно, колоколь въ дни страстной
седмичи и вылетъ съ ниль тѣмъ и тѣмъ
надъ переживаемыми ежегодно церковными событіями
всплывающа шловьская душа. Но какъ оживана,
какъ воскресана дѣйствительно эта-же душа
вылетѣ съ первыми звуками пасхальной псаломщи

сь первыми торжественными звуками пасхальной колокольни! Въ Сутяжскомъ пасхальномъ звонѣ къ Утренѣ предварялся тогда пушечнымъ выстрѣломъ изъ старинныхъ, Богъ знаетъ откуда привезенныхъ двухъ пушекъ. Одна была большая, другая поменьше. Къ моменту звона оны заряжались и въ назначенный часъ и минуту раздавались громоподобный выстрѣлы, за ними следовали единичныя удары въ колоколь; дальнѣе следовали второй выстрѣлы и т.д. за ними начинался торжественный, пѣвучій, пологительно за сердце хватавшій, пасхальный частый звонъ... Церковь быстро наряжалась разноцветными огнями, цустой непрерывной вереницей шли въ храмъ богомольцы и начиналась пасхальная утренняя, начинала тотъ войсину "пиръ ветра", какъ весьма точно охарактеризовали эти свѣтлыя переживания и несравненно пасхальную войсину Св. Іоанна Златоуста. Съ особенной любовью вспоминаю я итеніе Святителя на Миссуріи: торжественный перезвонъ колоколовъ предваряетъ его итеніе

и обитные предпословицы предъ Свантисленом. Но лишь
только отпусъ начинал: „ въ началъ бы Слово „ какъ
въ этотъ моментъ по данному случаю раздавался
отвѣтъ шумный: выстрѣлъ, который не только оттъ-
нилъ торжественность и важность момента, но,
къ слову сказавъ, ^{относясь на время и} (пу удивительную) драматичность, которая
обычно начинается къ этому времени клятва устал-
шая и не ложившаяся спать въ эту ночь догомолосеви.

Изъ другихъ большихъ праздниковъ въ исторіи своей
детства я помню день престоловѣна Праздника
26го Іюня (Іюльскаго), но о характерѣ этого праз-
дника тяжело и грустно вспоминать. Это былъ
какой-то пьяный кошмаръ, продолжавшійся 3-4 дня.
Презвуду пудинку можно было только: видѣть утромъ
перваго дня въ церкви, а дальше начиналось въ
полночь спать пьяная орда. Пьяныя ^и толпы
ходили по улицамъ, оркали дикими голосами
что-то просящее на пьени, ругались, дрались,
безобразили во всякъ формѣ и дѣйствительно
входили по Некрасовки, что „ все село шаталось “

Как вышли на протореку, крестьянами показана
лось, что все село шапается и даже церковь
старую, с высокой колокольней, шатнуло раз-
другой"... "Гости", конечно, заходили и в дом
моего отца, но это были те пьяные "даденки",
которые проходили мимо нашего дома, припоминая
это, "тутъ живетъ дяконъ и съ него непременно
кудино спитъ." Но чаще всего и отъ такая посель-
телей приходилось запертыва и "гости" наткнув-
шись на запертую калитку наличней не только ворчать
но и посылали по адресу обитателей дома довольно
сильные epitheta. И только мы, дитя, оставались
въ стороне отъ этой грустной действительности,
вматриваясь печальными глазами въ эту угасаю-
щую грядъ жизни, выживавших въ эти пьяные
столы и въ нашем детском умѣ возрастала
неумолимая протестъ противъ этой пошлости и
прозы, противъ этого вѣчным словесиваго
пьяного уклада жизни и уже тогда мы рѣшили
этотъ вопросъ отрицательным ^{обрядами} ~~обрядами~~ и

приводит к убеждению, что "когда мы воро-
стим больше, то жить так мы не будем".
Непосредственно в после этого праздника нажи-
нался стенок. В отпущенные с помянутой
полюем или мужики драть свои луки, к
которым приехали и наши церковные луки.
Это была всемирная ровная долина, известная
под названием "Машаровки", куда я с своими
сверстниками бегал чуть не ежедневно. Здесь росли
и укроп, бродили рысистые рыбы, бегали в
галушки и катались на своем дитяском таран-
таске и, кажется, нельзя указать еще другого
места, которое бы так любил и с кото-
рым связано ^{было у нас} так много дитящих воспоминаний.
И вот помню, что ежегодно на этой самой
"Машаровке" повторялась одна и та же сцена.
Особенно после праздничного помянутой мужи-
ки в вечеру собирались на церковном луке, и
стало только батюшки или отцу подкидать
"пучегорок" водки и поить травя через таск так

два лежанка уже подкошечного. — Между селом
и «Машаровкой» был высокий обрыв, называемый
«Хрустального города» и в его землях наслоившаяся
действительно находили кристаллы хрустала,
т.е. какого-то стекловидного минерала, — но что он
имел грань и какие его приложения, так мы
и не знали. Моими товарищами по детским
играм были обыкновенные крестьянские дети и
в том, кажется, никогда у меня не было недостат-
ка, но самыми преданными друзьями были
Ваня Триенаков, отец «Князь» и Вера Анис-
кина. Первый был сын бедной-преданной роди-
тели, часто ходивший собирать милостинки, а
второй был круглой сиротой, так и выросший
почти в нашей семье; ^{потом} он учился во вто-
роклассной учительской школе, окончил курс и
был ~~позже~~ деревенским учителем. В своей
детской кружке я был центром, около которого
сгруппировались мои сверстники, да к стати у
меня ^{был} очень интересная детская тарантаска.

на известномъ ходу, в которой я обильно запрягая
тройку саней двинулъ изъ маетинскъ и
эта тройка несли меня во всю прелесть на ту же
„Машаровку“, где нашимъ играмъ, развостамъ и
развлечениямъ не было конца... Да! „детище года,
счастливые дни, какъ вечная вода промочитъ очи“...
— Подходила пора ученья въ духовномъ училищѣ
и вотъ осенью 1892 года, когда мнѣ исполнилось
пятнадцать, я былъ представленъ въ приготовительный
классъ Алатырскаго духовнаго училища. Вели-
колепный городокъ, расположенный при впадѣнн р.
Алатыря въ р. Суру и находящій со стороны Суры
восемнадцатой вѣкъ безбрежнаго основанаго берега,
произвелъ на меня хорошее впечатлѣнне. О городѣ
я особенно не грустилъ, да кажется потому
главнымъ образомъ, что попалъ въ семейную
обстановку, подъ покровительствомъ любившей
меня материнскою любовью моей тетки и
крестной матери Екатерины Александровны Знаменской.
Служилъ изъ Павла Ивановича Знаменскаго въ то

время была речитомь умиленным хором, люди
они были безданные и я согласилась идти вместе
сына, даже и звать-то они меня стали
"сынком". Это было мое особенное счастье, что
первые шаги моего ученья на чужой стороне
проходились в такой обстановке. В семье
стариков царил строгий порядок: во время
вставши, подлуну молились, в определенное время
облажи, ужидали и пили чай. Учился я стал
хорошо, трудностей у меня было много, уроки
были не словные, преподавателем этого приходив.
класса был умиленный человек священник
Сергий Тимофеевич Рудневъ, который, давал
намъ не мало добра, полезная знания и добрые
советы, часто обращая сухую обстановку клас-
сного урока въ милую душевную беседу
любимую отца съ детьми. Какъ ни считали
на была семейная обстановка Знаменская, но
я помню порой приходил на меня тоска и я
долго и безответно о чем-то грустивъ.

Зрелая о родимых полях и лугах, зрелая
о любимой саде, опусковой доли и в своем
зрелом мечтатель рисовала зрелая картина.
В моем большом воображении чудного мента, что
среди заброшенного поля растет такое убогое
сельское кладбище и на нем, на самой пустой
окраине его, стоит одинокая могила с простыми
деревянными крестами, а в ней... мой любимый,
мой мент! отец. Много чудных напевов земли
мечты, много рисовались светлые сны, заботав-
шие одинокую могила, а особенно отчетливо вста-
вали передо мною простой надмогильный крест на
могилоном холме. И я так боялась, что эти
печальные предчувствия мои могут обратиться
в страшную действительность, но - слава Богу -
этого тогда не случилось! Но случилось это
потом, а именно 25 августа и случилось именно
так, как рисовались моему большому дитя-
скому воображению, но об этом моя
ручка будет подробнее потом.

Помню как в квартире Знаменского суровыми
грозными ветрами и тесными осенними ночами
печально и монотонно шло вглубь в труды:
протяжно, тоскливо и грустно, "словно как мать
надъ сыновней молитвой". Но за это, за сердце
звещающие звуки, в душе моей и слатались
печальные, грустные картины, черными похоронными
оформили покрывающие мое ясное детское мироозер-
цание и сообщавшие моему характеру ^{оттенок} ~~характеру~~
меланхолической и безотчетной тоски.

Год моего пребывания там в училище шёл
ровно, гладко, хорошо. Учился я все время
среди первых учеников, радуя своими успехами
и родителей и школу Знаменского, хотя эти успехи
лишь мне давались не легко; трудился я много
и добросовестно; но за то канicularное время
было в моем полном распоряжении. Был,
правда, на первом году моего пребывания в учи-
лище инцидент довольно печального характера,
но зато он лишь лишь был и благодаря последствию.

Въ Анапоре я проучился пять летъ (приготови и
1, 2, 3, 4 классы) и за это время составил учительской
корпорации оставаясь неизменно одним и томъ-же.

На некоторых лицахъ этой корпорации считаю не
лишнимъ остановиться своимъ вниманіемъ.

Особенно памятенъ мнѣ попомъ-сметрителемъ чини
луръ Свѣтлицкаго Іоакима Семеновича Киселева. Это
былъ респіциозный человекъ и благоговѣящій служитель
Божи, вдохновенно, усердно и снѣжно приносившій Богу
безкровную жертву. Правда, онъ былъ суровъ на видъ
и строилъ съ шашками, подарилъ ученики и далъ ему
между собою названіе "Богомъ". Дерзаясь онъ отъ всей
прочей корпорации особнакомъ, да и оцѣно, правда, мнѣ
вѣрилъ и прочимъ учителямъ ничего не было: въ томъ
кампаніи и попойкахъ онъ никогда не участвовалъ,
былъ человекомъ абсолютно трезвымъ и вообще былъ
аскетъ и по виду и по жизни, почему его и неадекватно
доподлинности. Когда я чиналъ, онъ училъ ^{училъ} ~~былъ~~ около ~~Бли~~
но у него и въ эту пору не было даже кампашки;
очевидно, его совершенно игнорировали. Мнѣ онъ

полю-по любил, всегда кто-нибудь спросят, когда
утром увидит его в классном коридоре и попросит
у него благословения, однажды подарил ^{мне} с своей
подписью маленькое Евангелие, а один раз даже удо-
стался меня счастливым пить у него чай. Вообще, как
о школьке, так и о воспитателе у меня сохранились
о нем добрые воспоминания. Из таких же теплых
чувств могу вспомнить и другого моего воспита-
теля по имени Александра Старовича Сахаровского.
Самодельный, серьезный и в то же время мягкий и в
высшей степени добрый, он был настоящим ^{для учеников} нашим
отцом. И перучается и приласкает и доброй советой
сужаете дать. Не смотря на свой светский статус,
он был на редкость религиозным человеком и
нам можно было питаться, коуче, он в церкви и
в классе имел на себя крестное знамение или вообще
целуясь к Богу свое сердце и свой старческий
взгляд. Любил его все без исключения: и товари-
щи и учителя и ученые и все, кто только
с ним соприкасался. Он был преподавателем

русского языка в 1 ки. Помимо адекватности звукова-
лого ему прочтены нами небезызвестного книжечку
"Степанов - Стариков", но получилось это только, так
к концу чтения и сами лекторы и мы все су-
ществом занимаемся сиюминутными, самыми
хорошими сведениями, выходящими под сиюминутной
впечатливостью великодушного разума и душой
боясь, да к тому ^{еще} написанного в стираторной форме.

Помимо еще преподавателя греческ. яз. М. С. Кошурова
то, который любил багатирить с учениками как
в классе, так и во внеклассной обстановке, но среди
исполнителей и сего так верно изучать характер,
наклонности и способности каждого, что составили
еще одну важную характеристику учителя ему было
мне всего. Он же был и нашим репетитором при
управлении упомянутой школы, в которой я так же
был одним из первых солистов аэробной партии.
Люблю я этого человека только за его религиозность,
порогом очень снисходительно проявляющуюся в нем. Как
не имея возможности, управляя школой, позволить

во время боестолкновения, она ~~во~~ при взятии 1го этажа
носила военную фуфайку на коготки и фото и
уширенно молчала, увлекала часто и нас павшая
своими прекрасными примерами. - Но была среди
ушищенной корпорации человек, которого я без ума
и омерзения не могу вспомнить, - это преподаватель
артиллерии П. П. Цедринский. Наше знакомство с ним
началось рано, с 1^й класса училища, когда мы были еще
малыми птенцами, но это он держал с нами, как
изобретал, драматизировал, топтал ногами, кричал,
остался без обиды и чая и сватал едничко в журналы
- обо всем этом тядею и дулко вспоминаю.
Продол его уроков класс положительно замирает
в полномочной олимпиаде его прихода, сердце уси-
ленно бьется от волнения и боязни, ручки мои охватывают
от надвигающегося с его приходом часа, нервы
напрягаются до самой последней степени. И вот
среди наступившей мертвой тишины раздавался
то коридору топот его сапогов и от бурей
вставал в класс и с бурей проводил свои уроки

потенциал в своей неприветливой злобе и
раздражении нас "малыши еши". Такая была почти
каждый день, а по сути можно судить как это
влияло на нас. Если честно, когда я пишу эти
строчки, мои нервы расшатаны до потери покоя
она, то я откровенно свидетельствую, что такая
"защита" в этой медленной молитве умиротворения при-
надлежит Цедринскому, так безжалостно и жестоко
и наглому убивать нас еще на Анапской иконо-
ной скамье! Духовенство, наши отцы, были тогда
таким запутаны, маловероятно на его безобразия не
осмелились, а напротив и потому все его действия покровитель-
ствовали и только, кажется, впоследствии притворя-
лись инокотами самодельной ревизорь познакомились
с его "дьявольскими" и немедленно убрали этого
вредного человека из учительской среды. Но зло,
которое от причинило за меня тогда своим чи-
стоверием и своим поведением, не исчезло; мер-
твами его действительности - кресты числа, а по сути

судн его, Господи, по грехомъ его и возданъ ему
по достоянью златъ грѣхнн его!

Вообще жизнь, учене и воспитаніе наше въ духовномъ
умишутъ были суровой, развитія намъ не могли
дать никакого, но за то "зубритъ" заставляли и приучали
насъ въ совершенствѣ и необходимости этой часті
безмилосердно: зубрежки такъ неукротно внедряли въ
сознаніе учениковъ, что учащіеся стали отказываться
въ пьютъ и отпуговъ, немедленно поили классы и обѣда
снова садимся за книжку, добивши до вечернихъ
занятій тасовъ, а вечеромъ добивши уже по обязан-
ности, и такъ до ужина. Пользованіе воздухомъ,
игра на спортъ, развлечения - почти все это отсут-
ствовало, но въ концы-концовъ сами наши воспитатели
стали сознавать ненормальность такого порядка
вещей и на пощага предъ вечерними занятіями
всего безъ исключенія ^{стали} востановить изъ здания на дверь.
Были и еще нескотія въ году часот отбыва и реф
вечерня, это весной, во время предной экзаменовъ,
когда насъ востраивали рядами и вели или на

Сурю купаться, или купать и развиваться в засурские
луча. Одно из таких купаний для меня окончилось
судя не трагически. Не умея плавать, я занял далеко
от берега, а так как вода в Сурте очень бодрит,
то я долго не мог справиться с течением и
самою же чья-то помощью, то я наверно бы утонул.
Но за это засурские экскурсии были полны пикантной
и приятной, хотя трудно могу описать. Впервые
из длинной статьи и оторвавшись от скучной
учебников, мы были в таком восторге и восторжен-
но недоумении эти часы и минуты никак прочно
впечатлелись в память. Мы пили жареный "Алтайский
какао", невинная песенки, гуляли по полянам цвет-
нистых цветов и ручьями, пили чай, пили булочки,
если так жарко, так весело было тогда!
И так быстро, незаметно прошли часы моего
предварения в чуждую, в ^{течении} ~~время~~ которая велела
была мне временно забыть мои родолюбивые,
Алтайская и особенно Алтайская кантата в доме
наших родителей. За этот период времени у меня

было уже три сестры и один брат. Но все они
были маленькія и потому не могли быть товарища-
ми по играм, лишь приходило отнестись къ нимъ
съ предупредительностью старшаго брата: утраивать на
Рождество елку, возить ихъ изъ города, разноя бездворники,
защитять отъ притыченія уличными забіяками и пр.
Но все то, въ силу незначительной разницы между младше-
ними сестрами, они до школьнаго возраста были неразлучны,
пользовались тою-же свободою привольной деревенской
жизни, какъ и я, дышали тѣмъ-же живымъ воздухомъ
цветущаго сада, питались тѣмъ-же его великодушными
плодами, любили тою-же прекрасною картиною
Засурья, которая открывалась изъ сада, и, наконецъ, въ
души нашъ сохранились тѣ-же незабываемыя впе-
чатленія детства, какія остались и у меня.
Не могу не сказать объ одномъ изъ этихъ
несравнимыхъ удовольствій, которое выпадало не
только на долю насъ четверицъ, но и вурчалъ, и
котораго мы пользовались ежегодно летомъ по
касколькы разъ, при наступленіи лѣтнихъ кампаний.

Это уверительная погузка на р. Суру. В один
из насчетенных дней начинались спешивая пригото-
вления к такой погузке: наготовившись удочки, снаря-
жились корзина с пеньем и вараем, укладывались
семовара, а старинки, поить таинственный переговоры,
старались незаметно образом уловить бутылочку
или две "опищенной" или какой-нибудь "померанцевой"
настойки. Обыкновенно в такую погузку принимали
три участника два или три семья: семья священника
Ф. Ф. Яблонского, его брат священника С. С. Свиреда, А. Ф.
Суровичева Ф. А. Старова, но чаще всего только
два семья - наша и священника - составляли обычную
погузку. У батюшки была хорошая лошадь, но
и коня "Тарелка", хороший выгул, а у нас своей лошади
не было до семья поступил много в семья
при потому при погузке на Суру стоило большого
мудрости найти подводку. Раз помню одна женщина
на прозвание "Марьяна" согласилась дать нам
свою лошадь, а мадам брат Леня, которому
в это время было 5-6 лет и которой все давал

не отставая от меня в поисках лошади, в надежде и самому принять участие в поезде, стойти около телеги заложивши ей вожжю на задр руки и серьезно-пресерьезно спрашивали: "Смезынка! Это "малтынчань" мейинь-то?" Я расхохоталась, рассказав старичкам и это выражение "малтынчань мейинь (меринь)" было долгое время ходячим выражением. — Но вотя приготовления окончены и мы пускаемся в путь. Расстояние 5-6 верстъ исчезаетъ незаметно среди сиваа и шумока холманн, и предъ нами открываетъ великолонтная картина сурскань поешная ищовъ, живописноа озеро сь наг дилтвми и бивши ищвми и стройнаго бора, красиво и безкохенно раскинувшатося по ту сторону Сурск. Наго боню протяаитъ мута, тучае чернитосе, ищоватъ два-три озеря и тогда уже показыватоса сама Сурск. Великолонтная, ищваа рчка! Какъ я люблю ее, какими живыми ищтаниа отпаватося я на ее песчанонаг береганаг, какои живноа поездеа одвнана

были в окрестности и леса, каких дивных скали
шпатель из темной сосновой доры и как баюка-
ла она меня своей товарливой волной! А потом
напала с семинари, всю жизнь провела на Волге
и вблизи ее, был я на берегах царевенной Навы
и старого Волохова, любовался задумчивым берега-
ми тихого Дона, но... не было ничего милее для
моего сердца как Сура и нигде не встречал я
более красивой картины природы как "княжий"
перевоз на Сура, куда обыкновенно мы ездили с
своими тачками и сановарами... "Княжий перевоз"
так назывался, очевидно, по имени бывшего Сутяшев-
ского владельца - князя Пентичева и представлял
из себя нечто иное как паром, сколоченный из
досок и помыщавшийся на двух больших лодках,
на которых перевозили и людей и экипажи с лошад-
ми на правый берег Суры. Левый берег был ока-
сменен "кустами молодой ракиты" и высокой разра-
стистой гершовой, которую безмятежно ежегодно обмо-
ли любители в черную ядовитую, и красивыми

спрошенными дубами и вязами, притоптанными в
уровне рощи, и разными кустарничками. Дерев
цами, начиная с ярко цветущего душистого шип
ника и кончая красной и черной смородиной. Но
это правый берег Суры в этом месте более высок
и обрывист, за многие версты дойти от своим
выступом, местами песчаным, а по краям его обрам
камь свечи, стояли прямая спойная сосна, образу
собой безконечной сосновой борь, там называлую кер
белую розу, притоптаную неварзанными ароматиче
ским и сосновой смолы. Стоящие на краю этого
обрыва, где поодиночке у тебя извиваются сватан
полюки ржи и на десятки версты видны горы села
и деревни ивиль берега; смотришь ли на этот
обзор с низу, с самой ржи, где перед глазами у
тебя голубое небо с прозрачными облаками, да
дремлющий борь с его таинственным тишотою, —
все прекрасно, все восхитительно, все безподобно!
А когда в прохладной вечер полвечер дошло наша
плена нощь ржи и налетев дельце перекинулись

въ сосновомъ бору и надъ сонными сурекими озерами,
было такъ жилось отъ полноты и простоты твоей
шепчетъ, какими переполнялось тогда сердце....

Ахъ надъ какими впечатлительными и среди какихъ
напитан красотой природы прошедши годы моего детства и
и вблизи в Сутяжскомъ. Отсюда понятно, почему я всю
и с душой и навсегда полюбилъ деревню, ее тишину, на-
ми простоту, и такую природу, на лоне которой я
могъ не только физически, но и духовно и обыкновенно
быть ее красотами составить себѣ определенную картину
перво на жизнь и на свое жизненное призвание. Уже тогда
своемъ я рѣшилъ посвятить себя деревни, где среди ее
такъ тишины, простоты и ласки, рѣшилъ въ роли священ-
ника священника предать назначенное мнѣ Господомъ дѣ-
изъ и этому рѣшенію я не изменилъ ни въ годы своего
досл ученичества (въ семинаріи) преподавая, ни въ годы семинаріи,
на к ни даже поныне, когда уже въ званіи священника Свя-
щенника, предъ мною всталъ вопросъ о служебномъ посто-
янии въ Дух. Академіи или переѣхати на служебное
въ Губернский городъ. Прощая семинарію и мѣсто

моего сужденія въ деревнѣ и вотъ теперь, ^{записывая} пишу
эти строки, я счастливъ отъ сознанія, что не
изменилъ своему вѣроисповѣданію и своему долгу въ
сердцѣ матери россійско: деревня была и навсегда
осталась для меня родной сибирію, въ которой я только
и мою свободу души, въ которой только и мою
сознательно и счастливо жить.

А вотъ подошли и семинарскіе годы. Однимъ изъ
первыхъ учениковъ я окончилъ Азиатскій духовный институтъ
и поступилъ 1897 году въ Сибирскую духовную Семина-
рію. Отправившись въ Сибирскъ меня пришло въ голову
такъ какъ по причине близости матери (ее ушибла
ка- корога, изранивъ ротами) гдѣ-то никому было неудобно.
Отецъ поселилъ меня въ Алатырь на пароздѣ, который
долженъ былъ меня подвезти къ Волгѣ (у Вязовыхъ,
при ст. "Святисскіи") а тамъ пароходомъ проѣхать въ Сибирскъ.
Путешествіе это я совершилъ благополучно и явившись
въ пристань тихонько въ Семинарію, представился по
начальству и былъ принятъ въ Семинарское общежитіе.
Здѣсь сразу на меня повалило новое духовное: я

увидать как некоторые семинаристы свободно
курши, другие вытесили, трети ценно обра-
мались и лишь показавшись это странно и
неприятно, ничто подобное меня не привлекло
к себе и не потянуло, а заставило еще больше уйти
от себя и подальше от всего отойти. В первом
классе семинарии я не нашел себе друзей, держал
себя как то особняком от всех и в своем уединении
стал преподавать семинарии и урсулы, от которой
меня спасла только чужая работа, увлекала
меня и своей новизной и интересным содержанием.
Особенно я полюбил теорию словесности и чита-
ть литературу, да и почти было не полюбил эти
предметы, когда преподавателем при этом сам
наименовал автором этого учебника Николая
Ивановича Афанасова, с безграничной любовью и самоотвер-
женностью занимавшийся своим делом. Подъ-
ем руководства и преподавания я прохожу эти
предметы в 1, 2 и 3-м классах семинарии и вместе с
его окончанием наш программа (в 3-м кл) кончилась

простыми и с самыми знаменитыми преподава-
тельными, которых считано сошел с ума и всту-
пился бить пожить своего преподавательского
каведру, а затем вскоре тот-то и скончался.
Воспитательная сторона дела в семинарии была
поставлена не высоко. Правда нас держали строго,
следил чтобы кто не напился или не показався
на улице с палаткой, как солдат перекилкам
на вечерних занятиях и в столовой за ужином,
но и только. О том, кто чем интересовался,
кто чем занимался, спрашивали или интересовались,
никому из преподавателей и инспекции дела не было,
в нашу душу не заглядывали никто. Ректоры были
представлены на недосытаемую высоту и с ними раз-
говаривали почти только местнички, инспек-
торы и его помощники были пошлейшую службу,
а преподаватели вели свое дело так, как при-
ходило товарищу: «отдохнуть и с колокольни долой».
Трудно было, даже при великой занятости тем же
или самообразованием. Из фундаментальной библиотеки

получить какую-либо книгу можно было только
по особому разрешению Ректора и преподавателей.
В университетской библиотеке не было книг в достаточ-
ном количестве, а про городскую Карамзинскую
библиотеку запрещали и думали. Отсюда полу-
чалось крайнее литературное невежество семина-
ристов и отсутствие интереса к книгам.
Учение Некрасова, Тихова и Достоевского счита-
лось чуть ли не преступлением и замеченное в
подобном внимании семинаристы считали себя неба-
гонаданными либералами. Получалась какой-то
заколдованный круг: с одной стороны преобладали
знания, осведомленности, литературно написанные
сатирические сочинения, а с другой боялись поддаться
популярности, откуда эти знания почерп-
ли. Говорили о поэзии Некрасова, восхищались
его поэтичностью, с серьезностью видя
значение в литературе творения Достоевского,
а где взять, где достать эти сочинения,
об этом вопросе всегда оставалось открытым.

С. П. Петровскій
(от 4 кл. семинарии).

Эти сочиненія мы читали
уже „из-под полы“, доставая
у раскнижек и знакомыхъ, а тѣ
уже „товарищеской“ библиотеки,
тайно соорганизованной на сред-
ства самона-ше семинаристовъ,
хотя, конечно, съ большими рис-
ками для самонаше урядителеей.
Въ учебномъ матеріалѣ, который
читались мы, было много лиш-
няго балласта. Читали, напр.,
эти классическіе языки, которые

преподавались во всякай класснае семинарии и при томъ
такъ „умило“ и „улетило“, что въ 6 кл. мы почти разу-
мевались правнито читать? Читали, какая-то непо-
стижимая „пасокаля“, которую намъ такъ и не сумели
досказатъ? Читали „библейская исторія“, изложениая
дубовымъ, арааическимъ языкомъ, которую мы хорошо
знали еще въ 1 кл. дух. училища и теперь только пере-
учивали на новои безобразной мадѣ? Было много

и другого "Балиста", совершенно потому не при-
двигалась ^{ни} в жизни, ^{ни} в пастырствѣ,
но на напрасное изумленіе котораго
Балиста потрачено многія лучшія силы ума и души,
въ ущербъ здоровью и общему умственному развитію.
Въспитаніемъ руководителемъ будущаго пастыря
Балиста, конечно, мѣстнаго Преосвященнаго, каковымъ
въ то время Балиста Епископа Никандра. Это Балиста
одна изъ образованнѣйшая архипастыря своего
времени, великодушный ораторъ и на редкость
красивый и представительный собою человекъ.
Въ великодушный каретѣ и великодушно разодетый
онъ раза два въ годъ пріезжалъ въ 5 и 6 классъ,
просматривая съ поспѣхомъ на какомъ-нибудь урокъ, зада-
валъ 2-3 общія вопроса и этимъ ограничивалъ
его въ своемъ руководителствѣ пастырской школы.
А правда, ежегодно въ день престольнаго праздника
30 Янв. онъ торжественно сидѣлъ въ нашей
семинарской аранжѣ и говорилъ соответствующее
поученіе и вотъ эти то поученія представляли
Балиста

С. П. Петровский
(в I кн. Семнарии).

достойно всякого вниманія
какъ по глубинѣ и оригинально-
сти мысли, такъ по формѣ своего
художественнаго выраженія.
Иногда эти поученія печатались
отдельными оптическими и раз-
давались каждому изъ насъ.
Бывалъ онъ у насъ, въ качествѣ
почетнаго гостя, и на литера-
турно-вокальных вечерахъ, о
которыхъ, какъ о лучшей мени-
тажъ нашей школьной жизни стоило сказать.
Это было ежегодно на масленицу. Ветера устраи-
вались въ зданіи Семн. дух. училища и, конечно,
вносили много оживленія въ монотонную школь-
ную жизнь. Я не могу назвать особенно выда-
ющихся личностей изъ семинаристовъ по испол-
ненію литературной части вечеровъ, но вокальная
часть какъ хороша, такъ и единичныя балли-
крупнога. Хоры: артемерский, семинарский и

и хорь Старолянокъ были всегда на высоте своего
положенія, исполняя такія серебряныя вещи, какъ „хорь
русалокъ“ изъ оп. „Русалка“, или всю первую картину
съ пѣснями баiana изъ оп. „Русалка и Людмила“. Но
особенно я съ восхищеніемъ всегда слушалъ аріи
воститъ. Кассенъевъ, нашего семинарскаго баiana, съ его
дивнымъ ирландскимъ теноромъ, исполнявшаго съ чув-
ствомъ и мастерствомъ настоящаго артиста такія
вещи, какъ „душка изъ оп. Чайка“ или „куда, куда вы
улетѣли?“ изъ оп. „Свѣтлый Огонь“. А. И. Кассенъевъ былъ
со мною воститателемъ много по духу. Читая о
которомъ и мнѣ приходилось говорить раньше и тамъ
приходилось съ нимъ иногда гдѣ-то вѣститъ на
Рождественскія каникулы отъ Сибирскаго до Аляска
на долговъ, т. е. на лошадааа. Не могу забыть
одну изъ такихъ поездокъ, когда мы гдѣ-то въ
мѣстѣ поездокъ, большою компаніей, съ пьяными
кучерами, съ веселыми сидками и вотъ въ одну
изъ такихъ, теплыхъ, задумчивыхъ декабрьскихъ
ночей догдѣли ^{мы} до сурскаго основанія бора около

с. Барышской - Слобода, где неслучайно было пропущено
веретв 15 апреля и выехали на берега Суры.

Темная, тихая ночь. Спать, незадолго перед тем
переживший обильный снегопад, закутанный и засыпанный
огромная роса и ели, которая спяли теперь как
была привычна, притягивая свои огромные руки.

Я поехал с В.Н. Добрословенским, то-же земляком -
самоуверенным, а впереди нас с кляпом то поехал

А.И. Кассенев. Волшебная картина природы загоро-
жена ветвями нас и клямом, тайная молитва, сладко
отдаваясь своим заветным местам и чувствам.

И вдруг, среди это фантастической обстановки,
пошло за душу естественное понятие: "Невозможно к
длинным хрустальным веретам"... Это был Кассенев.

И как хорошо он писал! Давно это было, но как
живая стоит в моем воображении эта картина
волшебного леса и как живая светит в моем
сознании эта дивная арка, полная тоски и хруста
"о хрустальных веретам" "о юности красной" и "о ее
привольном, свободном, навсегда закатывшемся днесь."

Итак вот, какие птицы уснаждали и летали
слух наш на наших литературно-вокальных
вечерах, о которых так приятно иногда вспомнить
и унести на крыльях мечты к далекому небу
вратному прошлому! Из других облагораживающих
развлечений, каких выпадали на нашу долю в период
вешенарской жизни, — это балет театр. Мы посеща-
ли оперу, драму, трагедию и, надо отдать честь
нашей инспекции, в лице А. И. Соловьева, которая
строго разбирается в театральной пьесе, на которой мож-
но было дать разрешение. Драма всегда была срав-
нительно хорошо обставлена и провинциальной
труппой: с удовольствием смотрели мы Остров-
ского "Грозу", "Атлс", "Благость-непорок" и др.,
с затасканной декорацией сущими драматическими
школами "Отелло" и "Гамлета" и в восторге
приходили от табующей пьесы Чехова, в его дра-
матическом пьесе: "Вишневый сад", "Дядя Ваня"
и "Три-Сестры". Но великим делом можно считать
дететивский наснаждение была опера, которую

весной можно было увидеть в исполнении ^{даже} столич-
ных исполнителей, обычно совершавших в то время
свое путешествие по маршруту Волга и ее боковые
городки. За все время своей семинарской жизни
я видел и слышал: оперы: "Жизнь за Царя", "Светлый Огонь"
"Русалка", "Аскольдова могила", "Тамбовки", "Трубадуры",
"Раушенберг" и "Демон", из них некоторые, ^{даже} ~~некоторые~~
не один раз. Отсюда, конечно, получились некоторые
музыкальные образования и вкус, давний возможности
разбираться в музыке и производимой ею впечатлении.
Мне, русскому сердцу и душе, больше всего нравилась
музыка русских композиторов. Когда я впервые
пришел на "Жизнь за Царя" и "Светлый Огонь",
мне казалось, что и мелодии оркестра, и арии поют,
и хоры сами оперы я чувствую, когда то слышал
Да, слышал! В то же время пьеска "Птенчик-
Ваня" мне вспоминалась комбинированная пьеска старей-
бабушки, матери моего отца, иногда призывавшей к
нам погостить и баловали нас своими сказками и
пьеской: "Не гоните в гости, вас там потеряют..."

А эти хоры, эти русскіе мотивы, о! сколько раз
мы слышали ихъ, когда благовоною иттиною ногою
хороводная деревенскія пѣсни по вечерней зарѣ долетя-
ли до насъ! Такъ тѣмъ же вылилась русская душа
въ этихъ безмертныхъ твореніяхъ Глинки и Чайковскаго.
Пріятно вспомнить и искусство другого характера и
направленія, — это церковное пѣніе семинарскаго хора.
Пріамъ слышного нѣсколько регентовъ (изъ семинари-
стовъ), но хоръ и его искусство, кажутся, оставались
на той же высотѣ, какъ и я знаю этотъ хоръ съ
перваго и до послѣдняго года моего пребыванія въ семи-
наріи. Ректоръ Семинаріи, Протоіерей А. В. Стерновъ,
любимая творчесвенность сузиды и самъ боже вели-
кодушній служитель. Сузида всегда была истовая,
продолжительная, творчесвенная; пѣніе хора всегда
было почти иждивенное. Но особенно эта трудо-
любивость пѣнія ярко выражалась въ догосударственнаго
спраетной Седисубъ, оттого семинарскаго хора была
въ эти дни (чест. пѣн. Суд) переполненъ илюциемъ.
Ректоръ Семинаріи былъ не только благовоною

С. П. Петровскій (в 1903,
(в год окончания семинар-
ского курса).

слушателем алтаря, но «образо-
ван» протестантизм. Правда, он
выступил на протестантской
кафедре очень резко, но зато ес-
рты и слова были во всем
отточенными художественными.
Только один раз помню, как
в большом слушании впервые про-

стал от пред нами, когда только
что назначенный в Сиб. Семинарию,
он пришел к нам в храм на

утреннюю молитву, чтобы представиться нам и начать
свое обращение к семинаристам такими словами:

«Когда люди впервые встречаются и знакомятся, то
обычно говорят друг-другу: здравствуйте... Амиго только
ко произнес он среди воцарившейся тишины эти слова,
как какой-то балетчик из задних рядов басом
отвняла за всем: «добро здорьва!» Но сразу протес-
са сдержанной улыбкой, смущивший нового наставника,
но он скоро овладел собой и стал продолжать свою

рты, которая сразу же произвела хорошее впечатление.
В последнюю классную Семинарию я был даже выдвину-
нут и привлечен в качестве репетитора евангелия
и отсюда потому меня полюбил, сохранивши ко мне
добрую теплую отношение и по окончании Семинарии,
когда он писал мне в деревню сердечные письма,
всегда звал к себе и нашим вместе с ним, даже до
настоящего времени (1920) когда уже он состоит в
должности казначейского протоиерея, сохранил тот же
сердечный тон духовной близости, какими всегда отпи-
сывалось все наши разговоры и наша сердечная переписка.

Продолжая вспоминать Семинарию как свою
alma mater, я должен сказать, что в конечном
итоге, даже при упомянутой ее недостатках и
несовершенствах, она дала нам много. Изучение
Богословия: основного, нравственного, догматического и
обширного; знакомство с церковной историей,
основательное объяснение и изучение Свящ. Писания —
все это было обширным материалом, который
мы усвоили не только умом, но и сердцем; все это

вело (по крайній мірті нїякогогого изъ насъ) къ сознатель-
ному приготвленію ~~и~~ на то поприще, куда вела насъ
Семінарія и къ добровольному избранію того пути, ко-
торий ввєгда рисовали моему юношескому вообра-
женію и неопредєлено звали мене къ себѣ всего ^{смиро} ~~смирнѣ~~,
всємъ великімъ своего идеала. ^{Къ} Концу Семінаріи я
окопательо и безповоротнѣ рѣшилъ посвятить себѣ
служенію въ деревнѣ въ скромномъ званіи сельскаго
священника.

Закізь родного дома, а в Сутяжинѣ.

Тѣмъ восторгалъ свиданя, какія вєгда мене ошдєла-
ва нємь, къ тѣмъ роднымъ пєтєбнѣмъ и скамь, которыми
не болєе мєтро, не болєе конца... На мєтєжє и

реиндустриализация каникулы я неопустительно стремлюсь
ся домой. Аппетит этот путь более преодолимее-
ной и интересной: от Сибирска до Казани плечи
по Волге, а там до Алатыря желтой дорогой.
Советенно, на мест. дорогах садится не в самом Казани
а Космодемьянское шоссе, в Вязово, и здесь обитает доми-
даются поезда. Ожидания эти более интересны: селен-
нарисован до Алатыря плечи много, путь устранива-
ется техники с чайми, стериальной чашей, вышивкой,
с пенями и даже купаньем и катанием по Волге.
Не было и никогда не будет в жизни почете этиа
конюшеская восторгов! Поезды остаются душой Сиб-
ирск, с казенными спланными семинарии, скучные учеб-
ники, мучительно-трудная экзаменот с той безсонными
потами и сплоченными тревогами, а впереди... пыльное
много, полный отпора и покой, радужный дом с его
широким садом, походы на Суру, гулянье за яблочко
и орехами в Сутяженская "вершинная" и та самая
дача - беговка в саду, куда "будут пьени к тебе
хорошо по весна на зарт доделатъ и так ^{будут} ~~будут~~ ^{будут} ~~будут~~

тебя и изборожденная беззубая улыбка...
Въ Анапсѣ на станціи меня всегда ожидали отецъ,
хоть и поздно приходилъ и поздно ночью; нѣмного обра-
милъ и углывалъ меня, а потомъ мы отправлялись
къ нему на постоялый дворъ, гдѣ въ отдельной комнаткѣ
у него были ^{уже} накрыты и приготовлены столы съ всевозмож-
ными, съ ^{когда в домъ} старшими классами семинаріи, то и съ
^{целыми} напѣтками... И начиналось у насъ съ нѣмко та самая
задушевная, нескончаемая беседа, которая замолкала толь-
ко съ утренней зарей, когда мы нѣмного засыпали, чтобы
утромъ отправиться мимо знаменитыхъ гивъ и къ сожа-
лению сѣвъ въ наше родное Сутяжское. Изъ моего дру-
жескаго семинарскаго періода, съ которымъ меня связывала дружба
не только въ отъѣздѣ семинаріи, но и въ канікулярное
время

В. Н.

Добровольскій

^{большой} В. Н. Добровольскій, старшій по семинаріи и жи-
вшій съ своими родителями
вернулся въ 10 отъ Сутяжскаго въ
с. Наполновое. Мы и наши роди-
тели между собою были

большими друзьями, часто бывали и гостили друг у друга, часто собирались в веселую компанию, где шутили, все было и смеху не было конца. Отец моего друга Н. А. Добролюбов был удивительно остроумный, находчивый и колкий собеседник, мы поминутно от смеха от его канальбуров, запоминая его остроты и долго потом перекликались ими. Однажды в с. Напольном нас собралась большая компания, долго заговорили и нам с отцом пришлось уходить. Мы, мужчины, находимся в отдаленной комнате стали укладываться спать. И вот я смотрю косяк двери, Н. А. Добролюбов, молча, с видом неподражаемой комизма, раздвигая на ночь, одень сапог ^{его} летит в угол комнаты, другой к парочку, а портянки бережно лишь складываются и кладутся в карман... Николай Александрович, спрашивая я, заметил это вот так думаете?" — "Да боюсь как бы ночью пошарь, а все еще что-нибудь такое не случилось: сапоги-то, ч... сь ними, старая, а портянки-то вонь?!". И это было сказано с такой артистической комизмом и продумано с

Другая моя близкая дружба была. Вася Москвитин.
Он водил меня в Суздаль, посетил его дома зажиточ-
ные каменья, у которых имелись свои советские дома
и прекрасный сад. Мы с ним были скверниками, вместе
работали у отца в начальной церковно-приходской школе,
но потом как-то разошлись в разные стороны и были
каждому своим друг от друга, что между нами вообра-
зилось не только в какой-либо возможной дружбе, но даже
в какой-либо. Он поступил в Португальскую учительскую
семинарию, но пошел не курс в ней не кончил и пере-
ехал для продолжения образования в Казанскую Семи-
нарию. И вот уже года за два до окончания этой семинарии
я был в 3-м и 4-м классах духовной семинарии, где
встретился с ним в Суздальской на летних ка-
мнях и сдружился. У нас оказалась
общая любовь: любовь к литературе, к музыке, к
природе и ее красоте и даже
наконец наши общие идеалы: охота
к суровой жизни в роли сельского учителя, а
в роли сельского священника. Одним словом,

В. М. Мосинъ.

мы полюбил друг друга и дружи-
лись искренними друзьями. Он не-
дурно играл на скрипке, а второй
виолу на гитару; у него было много
книжек и мы частенько разговаривали со-
вместе о книгах; он был немножко ин-
тересен, а я был совсем не определенно
убежденный и мы частенько спорили
о книгах о предметах и вопросах
философского характера. И хотя
нам было общение между нами, тем не менее мы
убеждались как мы привязаны и дорожи друг другом.
То у меня в саду, то у него, мы все же постоянно про-
водили вакаціонное время и было безконечно приятно
нам разговаривать с ним, когда мы только пролетали
это и дождавшись августа давал знать, что вакаці
кончена и нужно было отправляться одному в Сибирь
и другому в Казань. Во разлуку мы часто пере-
писывались с ним и в письмах упоминали друг
друга надеясь на будущее свидание, которое возвра-

дней насъ новыми радостями и новыми удовольствиями
былъ отъѣздомъ, приходилъ вакаль,
иногда снова вступалъ въ Сутяжину,
а вотъ наперерывъ стилии подымивъ
надувъ другу тѣмъ новостями, какія
и стилии годъ надувалъ ^{иногда} у каждаго.
и снова раздавались звуки гитары, снова
лилась скрипка, опять одиивъ
моями стилии садъ и въ его прошлагодня бесѣды
были или некогдашняя дружеская бесѣда, или задум-
чивая или грустная пѣсня, которую покойно
своими такъ часто людьми начиналъ той неслыханной
тѣмъ и тѣмъ задумчивыми словами, которая
ею теперь живутъ въ души и останутся жить вѣчно:
изъ снова меня видятъ свѣтлая пѣсня родилась,
до снова меня видится родина-мать.
на Тыи предъ мной моя любимая-любимая,
се Тыи предъ мной опять!.."
се Мы дружно подхватывали такую-то мотиль и
еи рунная, велики любимая пѣсня, летимъ до конца...

Тихая, июльская ночь опускалась на землю, на
небѣ затерялись одна за другой яркія звѣзды, а
семейная компанія все еще не ушла на покой. Среди
сада горѣлъ костеръ, засиная дерева фронтальными
свѣтами, на кострѣ шипѣлъ не затѣмившій убитый
кадаско отъ него пылѣлъ на вѣсѣх парашъ самоваръ,
радошъ возмѣлъ и шумѣлъ младшій братишка и
острѣнки, а кругомъ все смолкло, стихало и уходило
на покой. покой....

Любя искусство и увлекаясь въ то время театромъ,
мы однажды рѣшили съ Васей предпринять
свои опыты въ этомъ направленіи. Не имѣя въ своемъ
распоряженіи ни подходящихъ драматическихъ пьесъ,
ни соответствующей артистической силъ, мы
должны были все это изобрѣсти самимъ собственными
руками. Была обшрѣна сцена написана пьеса: „
Звѣзда закатилась“ съ подходящими по характеру
ролями снѣгъ и ещѣ, но весь трагизмъ положенія
заключался въ томъ, что не было въ нашемъ кругу
никакой персонажѣ, который можно было бы

дать роль: сестра (Клавдия) хотя была тогда
французской, но соответствующая роль ей уже была
назначена, барашень у нас, кролик ^{поповна} ~~нигила~~ подобная
не интересующая, не было. Рольшии "обрядить" в
лионское платье некое "Яку Ватанова", хотя как
на время, мажущие говорили басом и к своей
роль подходил мало. Воздеш же труппой был
наш работник "Вася", которому соответственно
его кавказу, была дана роль совершенно подде
жащая и которой на спектакле затмили своим
исполнением, а главные "отсебятиной" все: прочий
артистов. Хотели в один из теплых июньских
вечеров устроить все это в саду тило, по семей
ному, но младший братишка Леня так хорошо
успел всего ответить, что в назначенный
день и так сад переполнился публикой. —
Все шло гладко, хорошо, особенно посподняя за
железнодорожная стена в тюрьме так пропала
и некоторая, что даже маленький Леня заявил, что
они так и так... А этого было вполне достаточно.

С.А. Петровский

...одного разъ. Такое удовольствие
выпало на нашу долю только
одного разъ, а потому оно такъ
и врызалось въ память со всеми
своими подробностями. Покойный
отецъ до самой своей смерти
своей берегъ у себя писемные на-
рски этой пещи и часто въ нашей
семейной разговорной мѣстѣ съ особенной любовью уноси-
лись нашими воспоминаніями къ тому невозвратному
прошлагоу, гдѣ закатывалась наша золотая ^{звезда} юность
и съ нею я влѣтывалъ, ясная, золотая чреда.

Но вотъ Вася окончилъ курсъ въ Казанской уезд-
ной семинаріи и утѣхалъ на югъ учительствовать, а-ли
перешелъ въ послѣдній классъ своей духовн. семинаріи.
Послѣдній совѣтничій вакантн нашъ бѣликъ въ то же
время посетилъ ^{и вводитъ} въ свѣтъ нашей жизни въ
Сутяжковъ, такъ какъ въ силу сложившихся въ
сеудѣ отъ недоразумѣній, ему нужно было пере-
именить приходы. Это было для насъ

большим несчастием: носить ветхую тельную ра-
боту, безработного детства и светлой юности, какие
были пережиты в этом селе, приходилось разом
все это оборвать и начинать новую жизнь где-нибудь
и новой местности, среди новых людей и совершенно
и интересной обстановки. А мимолетная, а мимолетная
жизнь, а наша бедность? Разве легко было все это
покинуть? И действительно, мы все безконечно
бодруемся, плачем, но сдаться ничему не хотим:
с фактом свершившимся, было поужель указать о перемене
жизни отца сначала в с. Семеновское, а потом
даже более симпатичное село Кладбищи, Алатырск. уезда.
Окончательный переход совершился когда я уже
заседал в семинарию и потому я не пережил
этой тоски разлучения с мимолетным краем, как
вышла на долю ветхой прочной членов семьи и
столько поучаемой от отца письма давали
понять и чувствовать как тяжело переживалось
этим печальное событие. Правда, оставалось
маленькое утешение, что Кладбищи только в 10 верстах

от Сутягина, можно будет от времени во время
кавказской любви и света, но и такая сообра-
жения мало кого удовлетворяли и тоска, тя-
желая, гнетущая тоска, долго-долго гнетала
встав нас. Из Кладуцким я свикнулся не
устыль, так как поодиноко время моего окружения
Семинский, когда я должен был, как оперившийся
птенец, вылетать из гнезда и начать
жизнь свою самостоятельную жизнь, к которой я
себя готовил и к которой уже давно посвящал
себя в своем юношеском грезам и идеалам мечты.
Тогда мной вставал серьезный вопрос: кого выбрать
себе в подружку жизни и с кем идти по тому
тернистому жизненному пути, который я себе
выбрал и по которому рука об руку со мной
должна будет идти та, которой я отдаю
руку и сердце. Народная молва уже давно
наиптима мне невесту. Это была дочь Сутя-
гина Евангелика, но на этот раз нас
наряду не оказали маской Божиим.

Дело как-то само собою не состоялось и
во время обстоятельств я впоследствии видела
промыслительную девицу Божко, чудесно сохра-
нившую меня отъ родства и близости къ семье,
которую я только впоследствии окончательно поняла
и отпустила по достоинству. Меня ожидала другая
судьба. Я была уже в последнем классе Семи-
нарии, вернувшись с рождественскими канікулами и
тремя стариками Знаменскими, которые еще в
самом начале моего семинарского членства, перешли
в Сибирь (старик сдвигая диаконом собора)
— позаботились найти мне невесту. Это была
дочь старинного иль знакомого, септеевского
дочери Дмитрия Яковлева Расторгуева, кото-
рая только за годъ передъ темъ окончила курс
в Школе Маринской женской гимназии и будущи
гимназисткой часто бывала у Знаменских на
праздникахъ, в качествѣ дальней родственницы.
Ее звали вѣсь Надеждой, передъ именемъ "Надежда
Расторгуева" она еще раньше была известна и

Венчикова и невесты
в 1903 году

милым родителям. и, конечно,
мать. Судиманное через Знаменскую
предложение было принято, а 12го
Февраля 1903г., в Среда на Масанну,
в г. Сентимеь состоялось наше
обручение и мы были объявлены
венчиком и невестой. Свадьба
наша состоялась вскоре после
нашего семинарского выпуска, а
именно 30го июня, когда я уже, как студент
семинарии, был назначен на диаконские места в
с. Кувакино, Алтайского уезда и 6го июля 1903г.
был рукоположен в сан диакона, а недолгим пере-
одом мы с молодой женой отправились на новое
место своего служения и жительства, которое
к тому же было мне знакомо и раньше, так
как находилось в 4-5 верстах от Сутяжинца
и почти в таком же расстоянии от с. Клад-
ышир, где в то время жили мои родители
Ригдов, мы сами не в лучшей и неудачливой кра-

На діаконство я смотрю как на переходную
ступень къ священству и потому такъ и бы
въ Кувакинѣ на самомъ непродолжительномъ время,
какъ-бы на отдыхъ, послѣ семинарскихъ экзаменовъ.
Въ приходѣ с. Кувакина было тогда большое
возмущеніе: прихожане хлопотали себѣ на гу-тар
нуръ діаконскую вакансію голосеятю псаломщика
сего Никиторова, бывшаго уже въ рангъ діакона,
но страдавшаго извѣстными русскими недугами.
Епископъ Никандръ просьбу нашу не удовлетворилъ, а
назначилъ и рукоположилъ меня. Я боялся недобро
желательнаго отношенія ко мнѣ прихожанъ.
Но лишь только я пріѣхалъ, отслужилъ первую
службу и сказалъ краткое вступительное слово,
сдержанности старшихъ, недоверіе чуждо,
содворилъ лучшее отношенія и мое шестиме-
сячное пребываніе въ Кувакинѣ осталось въ
мнѣ воспоминаніемъ какъ лучшее время нашей
жизни. Черезъ шесть мѣсяцевъ мы разставались
я со свезами, явилъ такъ быстро прошед-
шее время моего служенія въ Кувакинѣ —

Юные, лихорадо-
стное, мое сердце
центром кубакиной
интеллигенции и около
наше создано такое
великолепное ателье
серера, в котором были
милые и дорогие
привольно, всемо, без
заботно... Овещенный
Г. В. Сеодаровъ, само-
най одинокий старик
относился ко мне
открыски мягко и

покровительственно, какъ дитя? маекми наше и
остальные почетные члены прихода, но лучшим
нашим другомъ была просфорня, или какъ ее
звали "Душинока-просфирня", почетная старушка
безъ которой мы не обходились ни одного дня. То
она у насъ, то мы у нея, и къ которой мы такъ

бы привязались за время своего пребывания в Кувакинѣ,
и это тяжело было ^{намъ съ ней} представлять, но за то ей прекра-
саемачі красочный обликъ и сейчасъ живетъ въ
а намъ идетъ душа, какъ одна изъ тихихъ мерца-
ющихъ звездъ, никогда не смыкнувшая на небоскланѣ
нашей жизни. Въ тѣхъ поръ, какъ я пишу
эти строки прошло почти Мѣсяцъ, о старуш-
кѣ мы давно не слышали уже никакихъ свѣдѣ-
ній и, навѣрно, она уже умерла, но въ души
она жива и будетъ жить вечно... Кувакино
было расположено около глубокаго озера, но за
то все утонуло въ садахъ и это обликъ садовъ
сообщало ему ту подтихшую прелесть, какую
я любилъ съ дѣтства и которая неотразимъ
влекла меня въ деревню. Дома одиозвеннаго
для діакона тамъ не было, но на свое счастье
мы нашли такую чистенькую и свѣтленькую
квартирку и обставили ее съ такимъ вкусомъ
и семейнымъ уютомъ, что для деревни небыло
было большимъ и требовать. Можно было-бы

среди такой обстановки прожить не хотелось никому,
как мы прожили в Кубани, а уж в год, ко-
торая горячая жизнь не успокаивалась развю
древенского диакона и несась со всею своею силой
к тому завывающему, плавному, что давало быть
выношено в сердце и манно и себя весьма
цветами и красками своего прекрасного идеала.
Я мечтаю о священстве, я думаю найти себе
такой причуд, который был-бы и небольшим,
а не шумным, а главное недалеко от меня,
вблизи быстро текущей реки (а лучше всего,
конечно, Сура!), где я мог-бы не только
начать и продолжить свое служение, но и
окончить весь свой жизненный путь, отдавши
всю свою жизнь и все
свою душу... Но, увы! как часто жизнь без-
жалостно разбивает наши юные мечты и как
часто бывает потом лишь несбывшаяся надежда
этой разбитой в прах поздней жизни, которую
мы сами безжалостно разбивали на пошлую
прозу.

Как-то совершенно случайно, меня пришло
войти в переписку с Самарским Епископом
Гуріем и в этой переписке выразить свои
взгляды на священство и на мою будущую жизнь
и деятельность. Сами идеи и легко поддаю-
щийся своим первым впечатлениям человек,
Епископ моего прихода меня и своего Спар-
жю и обещал немедленно место священника
на Волге или вообще предложить от меня. И я
с какой-то зашученной болью в сердце покинул
и родную семью, и родной край и ширю Сурж...
В начале 1904 года я был назначен на священ-
ническое место в с. Бобровка, Самарск. уезда, в
30 вер. от г. Самары, с поручением мне заведо-
вания и законоучительства в Кинешовской земледель-
ческой двухклассной школе (а в с. Бобровка),
куда я не менее 3х раз в неделю должен
был ездить для исполнения своих обязанно-
стей законоучителя. - Из Самары для рукополо-
жения меня в сан священника, я должен

была погасить огни: меня зомы в то время
балына и оставалась в Сенгилей у своих родителей.
Епископ Туринъ принявъ меня тогда и скоро
назначил рукоположеніе, которое состоялось в
той крестовой церкви 17 января 1904 года, в Субботу.
Мнѣ было еще только 22 года, когда я подо-
шелъ къ престолу благодати, чтобы получить
благодать священства! Не смотря на то, что
я всю свою юность мечталъ объ этомъ свя-
щенствѣ, я долженъ былъ въ рѣшительную
минуту сознаться какъ мало я внутренне
былъ подготовленъ къ принятію этого божествен-
наго дара. Въ свято-отеческой литературѣ я
былъ начитанъ мало, горячей любви къ поэзии
и чтенію Св. Агасія у меня не было,
наконецъ къ подвижамъ поста и молитвы я
не успѣлъ ^{въ} себѣ воспитать и не далъ себе время
хорошенько подумать какой тяжелей крестъ
я добровольно возлагаю на свои юныя плечи, онъ
тяжелѣе котораго всегда трепетали твои

лучшие люди, которыми выпадало на долю
это тяжкое и безконечно-ответственное
пред Богом и людьми служение в сане
священника. Все эти служившие мне недо-
стоинствы были особенно ярко вынесены
в момент рукоположения, когда старец-
Епископ стал читать эту потрясающую
молебену: "Божественная благодать... Но
еще больше мое волнение достигло высоты
и силы, когда, как новорукоположенному,
Епископ стал врать мне св. Агнец, со-
произнесением твоих мучительных слов, отъ ко-
торых никогда, наверно, не может не содро-
гнуться врывающаяся человеческая душа:
прими Вавилон сей... сохрани его цркви
и невредим... в Немже же летязанъ гниши
бати во второе пришествіе Господа Бога
и Спаса нашего Исуса Христа"...
Видя градомъ полиливъ изъ моего плазъ
и почти заревамъ... Епископъ, видя мое

воиненіе, скажи мнѣ, чтобы я поставилъ
дискосъ на престолъ, и вытеръ лицо. Какимъ
образомъ, совершилось! Совершенно то, о
чемъ я мечталъ всю мою промежуточную до смерти
жизнь и къ чему стремился какъ къ идеалу
всего моего мечтаній. Я искалъ въ души
радостнаго восторженнаго ощущенія, но оно
не было, я мучаюсь блаженнаго покоя души
отъ признанія дряхлостной цѣли жизни,
но душа была подавлена своимъ переми-
тлемъ впечатлѣній, на нее надвигалось созна-
ніе чего-то важнаго, тѣмнела, спрашивала
сознаніе той неизмѣримои нравственной
ответственности, которую я взялъ на себя
какъ священникъ, сознаніе ^{тяжелости} того священни-
ческаго креста, который уже висѣлъ на
моей груди и который я чество, свято,
безразлично, непотычно и твердо держалъ
вѣсти до конца своей жизни и съ этимъ
крестомъ явится на судъ Всевышняго.

Да не толку-де в души моей продолжали
раздаваться слова Епископа, сказанные ими,
как наставление, предъ моментомъ рукопожи-
женія: „если не отдашь всего свѣча свѣ-
дѣнію пасторскому аугуменію, если будешь
проходить его мѣлководно, небрежно и недостой-
но — то погибнешь, ты, семья твоѣ поби-
нешь, погибнешь и твоѣ паства...“ Отпрау-
ная, муторная слова! Какъ много души про-
буждали они в души, какъ много тревожи-
мыхъ чувствъ наводили они на сердце! И такъ,
вотъ — я священникъ. Но что принесу я моеѣ
паствѣ, душамъ моѣ въ тѣ минуты? Да
строгаго разсуждая, я и не пасторъ: я только
священникъ второго мѣста, а во главѣ при-
хода таинъ стоитъ другой, котораго я еще не
знаю и который можетъ парализовать все
моѣ мѣтѣ, все моѣ душа одѣ идеальномъ
пастырствѣ. А какъ ^{горячо} мечтаю я быть именно
священникомъ, а не деревенскимъ „попомъ“!

Мечтала божья такела, которой понима-
еть теловыескую душу, которой во время
богослужения шреть огнемь неземной благода-
ти и расцаеть слезами искренности и втра,
которой во своемь поучении доветь людей въ
Божией правде и люди въ его простомь
мудренномь словьхъ вивмать голосъ Самого
Бога. Мечтала любилъ людей больше себе
больше жизни своей, плакать чял скорбию
и радоватъся чял радостію, мечтала за
счастливую долю народную жизньъ всю до
капди отпидать!... И вотъ это поле дьявола
квети, эта Божья нива открылась предо
мною, а я... я какъ неопытной дьявель,
какъ неопытнотой работнице, ввнелъ на эту
ниву и не знаю съ чего начать, какъ при-
ложить свои тѣло ешо, которая беретъ
для этой святой работы, для этой открыв-
шейся предо мною жизненной боробы.

Въ день рукоположенія я теларадоу...

мента (в Сентини) и родителей (в с. Кладбище).
Как новопоставленный жрец, учился я недолго
и через 4 дня потянулся в свой приход. —
Со станции м. д. я притянулся повою, такъ тѣмъ
ни села, ни храма мнѣ увидѣть при въездѣ
въ свой приходъ не пришлось и только утромъ
я увидѣлъ большое пустынное село, въ которомъ
не было ни дерева, ни кустика и посреди его
— большой деревянный храмъ, только что вѣтрян-
ный вѣстятъ предвѣстнаго сирѣчьнаго. Меня
никто не встрѣтилъ, никто не приветствовалъ,
мое появленіе въ приходѣ какъ будто никто и
не замѣтилъ. Да оно и понятно: въ приходѣ
были настоятели, обыкновенно передомъ шла служба,
да, такъ тѣмъ вторымъ священникомъ никто и
не интересовался. И я сразу почувствовалъ
какую-то злость, какое-то одиночество и мечта-
ніе, съ кѣмъ-нибудь познакомиться, открыть свои
души. Но кругомъ были люди, незнакомые
люди, въяло какъ-то холодно и тоской.

Храм во имя Архангела Михаила
в селѣ Бобровки, Самарскаго уѣзда

Январь

—
1904 года.

Сентябрь

И впервые, среди этого одиночества, у меня
несколько раз преводится мысли: захочу я снова
попасть? разве не было мне детства в родной
Епархии? разве я не дожидаясь-до священнического
детства там, на берегах родной Суры, среди
ее живописной местности и необозримой зелени
лесов?.. В раздробленном воображении вставали
картины прошлого, картины родной природы и
многообразия покинутой родимой семьи. С
такими-то вот неслышными думами и чувствами
я покинул свой новый приход, чтобы поехать
опять в Кувакино, Кладбищу, захватить остав-
ленное там имущество и навсегда, как мне
казалось, проститься и со своими сердцу и
любимыми родными краями. Когда я при-
ехал в Кладбищу, отец, увидевши меня, с
перевесом крестом на груди, устал ко мне
на грудь и зарыдал... И зарыдал, очевидно, не
столько от радости, что видит меня священни-
ком, сколько от печали и горя, что так

далеко от него я избрал место своего су-
жия, что не будетъ уже теперь у насъ съими
такими таежными свиданіи, не будетъ такія
задушевнѣе бесѣды во всю ночь, какъ бывало и
что такъ мало порадовали отъ своихъ роди-
тельскихъ счастлихъ при видѣ своего только
что оперившагося и уже навсегда отлетающаго
изъ родного гнѣзда первенца... Но крайней мѣрѣ
это можно было понять изъ той короткой
фразы, которую онъ успѣлъ съ раданьемъ про-
говорить, падая ко мнѣ на грудь: "отлетаю
отъ меня, мой дорогой?" И отъ этой фразы,
и отъ этой слезы, и отъ этой предстоящей
далекой разлуки у меня сдѣлалось такъ тѣ-
шело на душѣ, что я впервые со всей ясностью
понялъ, какъ я ошибался, какъ легкомошенно и
по юности поступилъ, не сообразивши и не
взвѣсивши всѣхъ основаній, какія были между
сѣ мной оставленіемъ родины и неожиданнымъ
никогда не воображаемымъ переходомъ в чуждую

При разставаніи съ Хубакинцами, я служилъ тамъ воскресную Митургу, говорилъ прощальное слово, которое вызвало большія слезы и, собравши тамъ свое существо, навсегда простился и съ милыми словами, къ которымъ успѣлъ привыкнутьъ, и съ милыми припоминаніями, которые за все время моего пребыванія въ с.

Хубакинцы были такъ добры и ласковы со мною. Последние немногіе дни я провелъ среди родной отцовской семьи въ Кладуцкую и отпавшею мною задумчивыми слезами отца, матери и сестеръ, утасилъ въ концѣ Января сначала въ Реннелъ за зменой, а потомъ вместе съ ней къ мѣстности своего служенія въ Вобровку.

Мѣзнь и служеніе въ Вобровку пошли своей чередой, но меня страшно тяготила моя постоянная поездка въ Киневъ по должности законоучителя. Тамъ бывало у меня въ Бурожъ и я прѣзжалъ домой почти ночью. А тутъ и вѣщающій и В. поетъ, служеба, голень, — такъ

чтѣ такой массы
дѣла для начинающаго
священника было черес-
чуръ довольно. По воз-
вращеніи изъ Кіева,
чувствуя себя усталымъ
и разбитымъ, а также
правдивенно неудовлетво-
реннымъ, я все чаще и
чаще сталъ въ глубинѣ

Священникъ О. І.
Петровскій
(въ 1904 году).

души своей воспоминаю и чувствую свою ошибку.
Архима всена, первая всена на глубинѣ, открыв-
лась картина неселой тѣты степной природы
и стало еще грустнѣе. Съ дѣтства привыкнувъ
къ долинамъ, пригоркамъ, говорившимъ ручейкамъ
и многодумнымъ сосновымъ лесамъ, — я увидѣлъ
здѣсь — съ одной стороны безконечную степь а
съ другой — однообразный кустарникъ, окаймлявшій
Самарку. Вотъ и все. И сталъ я уноситься
вспоминаніемъ на свою родину, сталъ въ глубинѣ души
еей воспоминаю по ней и задумывался.

Въ маѣ окончилась экзамена въ Кинешевской шко-
лѣ, я сдѣланная инспекторскою свободницею, и потому
сталъ искать возможность отдавать своему
добровольному приходскому пастыренку больше
вниманія и труда, да къ тому же и въ доброволь-
но скоро остался одинъ, такъ какъ старшій
священникъ о. Голубевъ сложилъ съ себя санъ
и сдѣланная народнымъ учителемъ (будучи вдовцомъ
онъ пожелалъ вступить въ новый бракъ, а потому
и принужденъ былъ выйти изъ священнаго званія).
Приходъ былъ большой, народъ былъ еще не
решительно, но пьянство и разгулъ заремъ въ немъ
съ такою силой, что я не могъ оставаться равно-
душнымъ къ этимъ отвратительнымъ явленіямъ и
вѣдѣя о злобѣ, съ катаромъ нужно было
настоятельно и немедленно бороться, было, конечно,
пьянство и я сталъ съ ними бороться. Въ
день Успеніи главы Иоаннъ Предтечи я впер-
въ своей общественной рѣчи изложилъ всю свою на-
дежду, горечь по этому поводу. Слово это произ-
несено, о немъ заговорили, на него реакция

А к стати это было время
 японской войны, много нас
 (через Кинчю) италийс^{воинские} войска,
 уносся с собою в манчжурскія
 степи лугинскіа сѣновъ Россіи, а
 деревня, отправляя наборъ за наборомъ
 не успѣвала осуждать своихъ торговъ
 слезъ. Указывая на фактъ войны,
 какъ на грозное посягненіе Божіе,
 я звалъ къ покаянію, къ трезвости, къ воздержанію,
 признавая хотя на время (на 2-3 мѣсяца) отказаніе
 отъ пивельной пьяной отравы. И меня уагомаши
 болонні, посигъ одной подобной рѣчи в арамъ
 одинъ изъ лугинскіа приаеманъ во всеуаеамаши
 мнѣ отвѣчать, что призови къ трезвости своеврааеа
 что приаеамае должны на него откшиакутисъ, и вотъ
 я, говорилъ отвѣтавши, какъ все въ знаеіе пѣаеа
 выпиваю, отнннн даю на 3 мѣсяца одитъ воздержаніа
 ватомъ отъ спираттаа напитковъ, къ чему признаама
 и дрнннн. Откшиакутисъ и еще нѣсколько дрнннн
 словнннн. Это и было началомъ протннвоалкогоаааа

Надежда Дмитриевна
 Петровская. 1904г.

Божь
 54

Но этой борьбе не суждено было развиваться дальше,
как обстоятельства, так неожиданно развер-
нулись ^{потом} в нашей жизни, остановили и превали-
ли только эту противоалкогольную борьбу, но и вообще
мое пастырскую работу в Самарской Епархии. Случи-
лось так, что Епископ Турей, так любезно приняв
меня в свою Епархию и так ласково-благ-

желательно встретив в ней, летом 1904 года был
перемещен в мою родную Симбирскую Епархию.
Это обстоятельство, в связи сложившаяся у
меня недовольство епархиальной Епархией, навело меня
на заманчивую мысль — опять вернуться на родину.
Дошло наконец до того, что я своим товарищам
матаням, боясь обнаружения и неустойчивости своего
характера и сознавая всю нецелесообразность моего пере-
мещения в Самарскую Епархию, совершенно чудящую
меня и по характеру населения и по характеру
климатических условий, с таким образом чудящую
меня по своим картинам природы, среди которых
вопрос, в которых от себя приведу и

от которой сроднилась душой. Но вот по мне
привлекает навстречу меня мой семинарский
друг и товарищ В. Сергеевский и в задумчивых
разговорах с ним мы так отчетливо и подро-
бно воскресили свою родную Спасскую и свои родные
края, что у меня несколько вырвалось набитыми
челюстями опять поскорее вернуться туда, снова
увидать родные сосновые леса и, если можно, пова-
лять на роскошных берегах любимой Сурсы, отстоя-
ши недалеко от недоброй пристани, в кото-
рой пройти свой пастырский путь и в нем
найти себе место вечного упокоения... К моему
удовольствию это мое желание встретило сочув-
ствие и меня моей и гостившего у меня друга
- и я, не задумываясь долго, написал Симбирскому
Епископу Курдю прошение (с частными письмами)
и через некоторое время получил от него благо-
приятный ответ, в котором он предлагает
мне приехать в Яотину, Карсунского уез., и дать
немедленного ответа. Разумеется ответ в по-
читательном Смиренном. Вот нецензурно поехали

я снова возвращаясь в свою родную Спаржию.
Во Омбургском Стискомъ встретилъ меня какъ
старого знакомаго, долго беседовалъ о своей жизни,
на Спаржию и съ добрымъ пожеланиемъ и благословениемъ
и отпущениемъ в новую приаодь. Изъ Омбурга до
и Инзы мой отъездъ на мек. дороге, въ Инзу наня-
ли ми лошадей (35 в.) до Пятной и по митовской
и митовской, переехавши частью сосновымъ роурами
до м. черномельницъ, отъехали въ свой новый приаодь.
не Не смотря на то, что было уже Октабрь мѣсяць,
съ природа плакала своими осенними слезами, но на
т. души было настоящая весна. "Снова мнѣ слы-
шится пѣсня родная, снова мнѣ видится родина
и мать", звенели въ голову моей слова знаменитой
ду пѣсни. Съ ст. "Инза" мой непосредственно выехали
не в сосновей боръ, я оставилъ экипажъ и пошелъ
и то легку пыжишь, испытывая и переживая въ
души такое счастливое чувство, каково давно
се не переживалъ. Возилъ я и на родину, душа моя
снова, вотъ я опять въ митовск. сосновомъ
лѣсу, недалеко отъ затонныхъ береговъ мой

любимой рощи - Сурь, о которой я думал, что
уже не увижу ее больше никогда!...

Поздним осенним вечером мы добрались до
своей Нятемы и притянулись к пустовавшему домику
до священника. Дом был покосившимся старей,
мрачный и это обстоятельство было первым
облачком, наметившим на наше радужное настро-
ение. Являлся церковный староста, а диакон и церк-
ходь. Диакон оказался младшим давнишним
знакомым, с которым мы у стариков Знаменских
встретились еще во время моего пребывания в
Амурском духовном училище. Церк. Староста
был местной крестьянин Сеодор Матвеевич
Сорокин, но какими радужным человеком оказа-
лся! Св. тьма порь, до написанія этой строки,
прошло около 16 летъ, много воды утекло за
это время, много людей встрѣтилъ я на своемъ
жизненномъ пути. Но такія, какъ Сеодор Матвеевичъ
кажется было немного. Идеально честной, разносторонней,
доброй и отзывчивой, отъ сего самаго перваго пора
летѣний мнѣ своимъ сштанымъ характеромъ

По своей абсолютной трезвости и нравственной жизни
то был рязкий христианин; по своей тактике
и распорядительности - это был некий типичнейший
землянин - крестьянин, владевший хорошим хозяй-
ством и ^{довольно} примерным отцом своему много-
детному семейству. За эти свои добрые качества
он и был избран существовать на почетную должность
церковного старосты, в которой он сдвинул много
делного для местной церкви: соорудил новую
каменную ограду вокруг храма с величественными
каменными воротами, купил много новой утвари
обнажений и вообще заботился о церковном имуще-
стве как о своем собственном.

На другой день, по приезде в Ятину, я пошел
познакомиться с храмом, с двором и с некото-
рыми прилегающими. Храм стоял далеко
от дома священника, за селом, но это был
рядом по своей архитектуре храм: триадной
пятнадцатой, с своими массивными колоннами,
он производил впечатление городского собора и
только местами попортившаяся штукатурка
несколько портит впечатление. —

Храмъ св. Троицы Живоначальной в Пайтисы,
Харьковского уезда, Сивирск. губ.

Звонъ ея колоколовъ, не особенно массивный по
своему размеру и числу, былъ довольно приятенъ, не
мелодичный, далеко разносящийся по тому давнему
сосновому дору, который былъ почти ровенъ съ землей
св. ея восточной стороны и тянулся на цѣпяхъ веревки

Храмы этот был выстроен на средства
пятидесятых владимирцев, но как раз пилю, а
теперь не помню. Предание говорит, что
строитель-помощник истратил на это дело
все свои средства, встал в долги, но все так
не отступил от своего плана и намерения.
Можно вообразить как великодушный был
этот храм вскоре по окончании его посто-
янки, когда все было еще ново и только лишь
отдана и блестящая своей новизной, потому
что и теперь, спустя долгие годы, он при-
ковывает к себе взоры и заставляет подо-
умно ~~его красоту~~ его красоту и художес-
твенность ~~его красоту~~ его красоту, а именно
на производимые впечатления, а именно
на тот природной фонтан, который
всегда стоит и воспроизводит этот храм
именно: высокая открытая лавка, внизу
которая встает зигзагой рюк. Храмы, а
наши, на горах и далеко-далеко кругом
одно-земелье, было прекрасное основание

Но только къ чудотворному созидающему. Внутренняя
архитектура не характеризовалась ее его вышностью:
внутри храма были затупленные и односторонние
стены, были аркады и галереи, рамы окон
были советом односторонним и въ них дула
ветеръ, а осенью и зимой бривала убийственна
холода, заставляла удаляться для безопасности
въ правой алтарь; отгороженный (съ небольшимъ
пространствомъ церкви) стеклянной перегородкой
и главной части храма, но здѣсь въ болышия пр
дники и даже въ обычные дни воскресный были
такая тьма, что было трудно даже рде
поймать для крестнаго знаменія. Очевидно
прихожане не привыкли прилагать своих
рамы и тратитъ своихъ средствъ на попу
лие церковнаго благочестія, на дѣла въ дан
случае на своихъ поминкахъ, но когда же
благочестивый не стало, односторонним и свору

индускеем святии Бодий храми.
Мѣстопоимение ^{с Янтини} ~~христиан~~ было великаго торго-
ваго порта, съ восточной стороны, въ какой-нибудь
верстахъ отъ селя, красовалася основанъ баръ,
внизу дитяиной изливалася рѣчка Артанъ, кото-
рая прудилася наотинной околю барской мелима-
ны и давала цѣлое море воды, а среди селя
полюгъ-шурткамъ огромный барскій садъ, въ
которомъ весной раздувалася такое солончаное
дѣнье, какого въ не свѣдѣлаю ни раньше, ни
позже: такъ много чуждъ водичное тамъ и та-
кимъ дивнуто поздню создавали они своимъ
хорошъ въ ароматный, тѣмъ въ мадектъ ночи.
Арханда самое село, т. е. его дѣтъ дичиннымъ
и т. д., были крайне чуждыя, особенно
вѣсною и весной, но наши припобыя дома
внизу, у рѣчки и пось поимение околю
и земли дѣлали ирѣ, особенно летом,

наступающей гонимой. — Народъ Пятинский боится
всего: сменатинской, масковской, доброй, —
такъ что отъ всего этого впечатлительный
на первый порахъ въ Пятинку явился хоро-
шо и спокойно. Конечно, немедленно же, по
приезде въ Пятинку, мы поехали полюбившейся
любимой Озурой, которая была ^{тутъ} первой въ 4х,
и такъ же быстро камнями свои ясныя воды
по яматинскимъ пескамъ, какъ и около незабвен-
ной Оутяжиной. Но ближайшее знакомство
съ Пятинкой стало только свирисовывать неко-
торыя директивы этой новой жизни, съ которою
мы тутъ же принялись считать. Въ 11,
доши священника, который обидчиво крестя-
сь незадолго передъ тѣмъ купилъ у чужд-
инца за шестать Еванг. Шиктемова, былъ
крайне ветхой, мрачной и свирой. Но такъ
какъ доши былъ откупленъ не советомъ

а только дано было 100р задатка, но по
внимательной и безпристрастной рачительной
вопроса о доме, было рачительно предложено
священнику Инокентову продать дом в
частной руке, а дом построить новый,
крытый железом и с новыми бревенча-
тыми дворами и со всеми необходимыми
надворными постройками, - каковой дом
и был закончен к осени 1905 года и
поселившись в нем, мы не могли надбавить
из живящих воздуха его сиюлетнюю
стать и находившаяся простором со
всеми святилищными комнатами.

Только не мог я спокойно смириться
с фактом: громадной раздробленности при-
хода. Кроме села, в приход было 4 дере-
ви: одна на разстоянии 7 верст (Смачково),
другая - 5 верст (Ряпичи), третья - 4 в. (Мяни-
ки).

и 3^х верста (часть). Деревни были большие,
всего три Машерово и Миданно, изъ этихъ были
попытки образованъ изъ каждаго по дружинному
приходу и въ эти деревни меня немедленно
ночью ирѣйшъ приходилось ѣздить для напу-
тствованія больныхъ, но больныхъ было много
такого, не серьезнаго, такъ какъ въ народѣ
были гнетущіе страхи не столько передъ
Богородицею за свои грѣхи, сколько передъ
полтицею и духовенствомъ, такъ создававши
ми невообразимую кутерьму въ дни похоро-
нныя скоропостижно умершими людьми.
И вотъ достаточно было кому-нибудь что-
нибудь или заболѣть простѣе лихорадкой,
и въ ночь и пичночь отъ поселяетъ за свя-
щенникомъ. Были случаи ночью в деревни
возили меня къ заболѣвшимъ какими-нибудь
пустышками дѣтскими (или 10), а однихъ р

то проситъ черезъ мѣру подумавшаму на
себѣ свадѣти мужицку, которому было вѣщи-
коу не поедѣ поить медвѣдью перепол-
оси. А отказать прихавшему навозу, потому
зачто катерилески говоритъ, чидо болыной
прущираетъ. А такъ и стало проходить
д мое пастырокое суженіе въ безпрерывномъ
и путешествіи изъ деревни въ деревню по
такимъ болынымъ, ^{болынымъ тардамъ} котораи до и прихавъ
то по иже неподготовленности не аждовало,
такъ какъ ни страха Божія, ни сознанія
своей грѣховности, ни умиленія, ни благо-
говѣнія навоза было. Ожидать отъ та-
кихъ кривъ случайно и несерьезно болыныхъ,
изъ которыхъ, м. б., упрости этого дня нисколько
не душами, что иши придется приобрести
изъ страшнаго талиа Христоваго, къ
которымъ они не считали нужными готовитъ
себя.

Пастырское служение мое этого времени
не было дальше обыкновенной требоисправлений,
заказная и праздничная служба, которая
я старался исполнять не только аккуратно и
благопримльно со внешней стороны, но старался
согреть и изнутри и внутренним огнем воодуше-
вления и применения. Каждый почти воскресный
и праздничный день в неопустительном пропове-
дании, я к дню преставления празднично
непрестанно писал свои речи и поучения,
притягивая своим слушателям к соединению
с истинной Божией правдой и святой Евангельской
любовью. Церковная аудитория ее затанцован
вниманием слушала эти речи, так как
призывы к миру, любви и спокойствию
были особенно своевременны в эти бурные
1905-1906 года. (аминь великим государем
императором Николаем Александровичем).

Время моего служения в Японию как
раз совпало с японской войной; горя и слез
в народе было слишком много, а по сути
забота о том, чтобы пролить катину ут-
раженія въ измученныхъ человеческихъ сердцахъ
была одной изъ главныхъ моихъ заботъ.
Но все мои попытки въ этомъ
отношении не шли дальше обычныхъ сло-
весныхъ утешеній, утешеній чисто христіан-
скаго характера, но для облегченія чисто
земного, практическаго, въ смысле уменьшенія
бѣдности и нужды въ осиротѣвшихъ семьяхъ
стала, я на первомъ планѣ считать много
не могъ и не сумѣлъ, потому что былъ еще
слишкомъ молодъ, неумѣлъ и неопытенъ
въ дѣлахъ практическаго характера и не
видѣлъ предъ собою примеровъ организаціи
церковно-общественной благотворительности.

Вдумываясь в дело своего существования,
я начинаю виденье и чувствую раз-
лад между своими идеальными мы-
слию и между и настоящей горькой фак-
тическию. Мне начинало казаться,
что мое пастырство слишком отвлеченно,
слишком оторвано от жизни, слишком
беспомощно в тяжёлой жизненной борьбе.
И вот в год свидания этого нравственного
разлада с самим собою, я написал и
впервые напечатал в мичемской Спартак-
ской Водолостяк своею статью: "Мечта
и жизнь", в которой уже ярко и определенно
прозвучала эта нотка разочарования и
нотка разлада между розовым юношеским
мечтанием с суровой действительностью.
Конечно, когда я смотрю теперь назад с
точки зрения своего жизненного опыта,
мне многое кажется в этом разлада
печальным и метковыясненным: как
многое можно было бы устранить, как
многое можно было бы сблизить с горькой
действительностью, сколько можно было бы
отвернуть ненужную сеть, сколько можно
было бы дать людям светлых радостей.

Но тогда была все в толь, что семинарія
неумело готовила насъ къ пастырству: она
только заставляла насъ зубрить свои учебники, а
"практическое руководство для пастырей" леги должны
были потомъ проходить сами и уже не в школѣ,
конечно, а въ самой жизни. Взглядываясь потомъ
въ жизненные примѣры, изучая пастырство на
наглядныхъ образцахъ, путешествуя по лицу родной
земли, а особенно по ея просвѣщеннымъ центрамъ,
я увидѣлъ многое, о чемъ прежде и не слышалъ,
увидѣлъ пастырскую работу въ такомъ широкомъ
масштабѣ, о каковой не могъ и помыслить.

Архидіакой мелькнули дивные образы: Иоанна
Кронштадтскаго, о. Александра Троицкенекаго,
а Петра Шертова, Героимонаха Павла, о. Сергія
Анастаскаго и др. такъ — "долгими трудотодія"
"обществами трезвости", съ "трезвыми домами"
съ школами трезвости", "дѣтскими союзами",
съ ихъ громадными аудиторіями, собиравшими
тысячи слушателей и увлекавшими ихъ и
суща пбдметва и развратіа на путь свѣтл
и трезвой жизни. Какъ эти примѣры захва
тили меня своимъ святымъ обяжаніемъ, отъ
стало ртычъ будетъ потомъ, но вспоминая сво
Пятинские пастырейко, я вынужденъ отмено

Знаешь, что упомянутые светлые образы
были приданы мне тогда, пока яркая действительность
и форма моей пастырской работы не могли
мне прийтись даме и во сне, а потому
и моя пятинская пастырская действительность,
будучи короткой и непродолжительной, была
в то же время благой и не красочной, как
бы того хотела и к телу стремилась моя
юная душа.

Но видно „отъ Господа исправляются ступи
человѣка!“ Меня ждала дружба паства, мне
Господомъ въ удѣлъ назначено было другое село, о
которомъ я никогда не мечталъ и не могъ
мечтать. Какъ я уже и упомянулъ, что въ
Пятинкѣ меня застали 1905-1906 бурные годы.
Въ пятинскомъ народе, какъ бывшемъ крѣпко-
стѣмлемъ, начали просыпаться духъ мести по
отношенію своему бывшему владѣльцу и цер-
ковникъ. Осенью 1906. Арктики факелами
каждый почти день затрещивало барскія постройки
и уничтожались барскія строенія.
Настроение было дикое, злобное. А тутъ
и довершеніе общаго впечатлѣнія явивша
карательный отрядъ и перепорокъ всего
боевой дивизіи населявшихъ, а некоторые

арестованъ и узнанъ въ Кареунекій островъ.
Алена отъ пережитыхъ униженъ серьезно
заболѣла, а я повѣстнаго члота. Въ это время
я былъ случайно въ Сиддирекъ и зашелъ къ
своему Архимандриту, Епископу Гурію, который
мнѣ обокновеніе съ интересомъ распространялъ
у себя всемія совершающагося въ деревнѣ. Я сталъ ему
рассказывать о вѣсѣхъ пятинекныхъ событіяхъ по-
слѣдняго времени. Всенушавши мой рассказъ,
онъ вдругъ заявляетъ: „а тебѣ надо оттуда уйти“
Я крайне удивленъ такому выводу Владыки,
тѣмъ болѣе, что все рассказанное событіе мнѣ
никогда не коснулось и говорю: „куда же я
могу перейти, развѣ вотъ въ Каринское!“ А
въ Каринскомъ, какъ мнѣ было извѣстно изъ пи-
семъ отца, было скандальное свидѣніе и свидѣ-
ннику необходимо надо было оттуда уйти,
Каринское было чуждо не родиною отца и
мнѣ, а потому я попалъ въ него, тѣмъ болѣе
что оно было въ 12 в. отъ Ревельки-Косинокъ,
гдѣ въ это время жили мои родители. — На
этотъ отрывочный фразеологъ о моемъ пережитомъ
нашъ разговоръ въ Владыкѣ и кончился.
Это было, какъ я отчетливо помню, 31 октября
1906 г., а 8 ноября с. г. резолюціей Владыки
безъ всякаго моего официального прошенія

я быль перемицень въ с. Каринское, Сент-У.
И для меня, а тѣмъ болѣе для пятинцевъ,
мое перемиценіе было большой неожиданностью,
но такъ какъ я прожилъ въ Пятинѣ только
два года и особенно крѣпкой нравственной
связи у насъ еще не было, то препятствій къ
моему уходу никакихъ не оказалось и я въ
началѣ Декабря 1906. покинулъ Пятинку и
переехалъ съ своимъ имуществомъ въ Каринское.
Семья моя состояла къ тому времени только
изъ одной жены, хотя въ Пятинѣ у насъ и
родились первенецъ Анатолій, но будущіи крѣпке
сладили отъ рожденія, отъ дѣтства только Зинаида
и умерла 29 июля 1905г. Это крестникомъ отучилъ
быль другъшка Петръ Григорьевичъ, нарочно при-
шедшій для сего изъ своего прихода въ Пятинку.
Въ то время, какъ я жила эти два года въ
Пятинѣ насъ стязали и въ семьѣ времени
тяжелыя жизненные удары. Мы уже говорили,
что пошла Сутягинство отъ поселился въ селѣ
Кладбищахъ, где усталъ и попривыкнуто и
обзавестись хозяйствомъ, но будущи слишкомъ
прямолинейный челоукомъ, отъ не сошлася
съ священникомъ и засудили его немилостиво
и эта немилость выразилась въ красноречивомъ

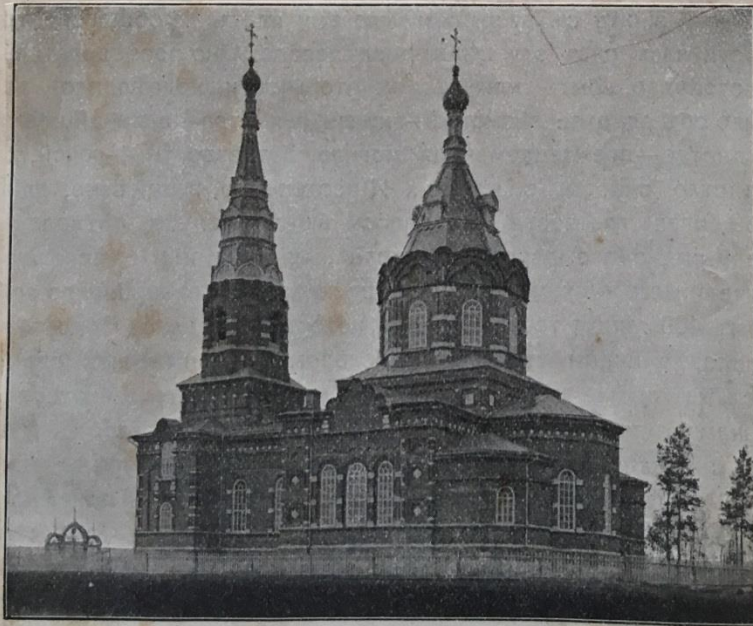

я тогда не сказал больше, поступать со стороны
Владимира Садовского: воспользовавшись при
годе в Кладбища Провансу. Турция, отъ напориста
и ему келетно на отца всякая обвиненія и тогда
но востановити и невосдержанности своего ха-
рактера, не разобравши законнымъ путемъ возме-
денности на отца обвиненій, мнилъ его мстити
в Кладбищахъ и низвалъ на пасомощицескую
ваканцію в Рождественской церкви г. Апатеръ.
Этотъ ударъ былъ слишкомъ тяжкимъ для бла-
городно-торгового характера моего отца и я,
посетивши его в 1905 г. изъ Пятинбъ, взглянулъ
какъ онъ кривотенно страдалъ и тяжело переносилъ
этотъ ударъ. Зная расположенность ко мнѣ
Владимира Турция, я рѣшилась воспользоваться
этимъ обстоятельствомъ и ходатайствовалъ
передъ Владикою о снятій его участіи. Владика
вслушавъ меня и давъ мнѣ слово "только
ради меня" (тогда какъ и сами были добрыми)
души человека!) измѣнилъ участіи отца. Въ
этотъ-же день моего разтока, Владика пере-
местилъ отца на литатную діаконскую вакан-
цію в с. Алово, Апатерск. у, но такъ какъ селъ
это было мордовское и наши семьи не покрывали
то через годъ по просьбѣ отца тотъ-же

Архосвященный Гурин переименовал до нашей
диаконскую вакансию в с. Репьевку - Косовинку
Симб. у. и где он и оставался до своей своей
гражданской кончины и куда в соответствии к
нему идти и я из Пятинки, переименованной
в Карлинское, находящееся от Репьевки в
каких-нибудь 12^{ми} верстах и где в приятном
и полезном обществе с ним бы прожил
почти более 12 лет...

Карлинское.
1906 г.

Храм во имя Покрова Пр. Богородицы в с. Карлинскомъ Симб. губ

В начале Декабря 1906г., захвативши предварительно Репьевку к родителям, мы переехали в Каринское. Первые впечатления нельзя сказать, чтобы были хороши. Нас никто не знает, никто не встретил, никто не сказал ни слова доброго слова и только семья уважаемого священника Лебедева, косо поглядывавшая на наше переселение, стараясь еще больше омерзить наши первые дни в чужой, незнакомой среде. Дом, который мы должны были занять, был старый, мрачный, затупенный и грязный. Двор был поуразвавшимся и холодный. Храм, где должны были служить, был настолько ветх, холоден и мрачен, что если бы не новый, только еще строящийся тогда храм, то камень, я красноречиво не вынес бы этой общей картины обвала и разрушения. Это была второклассная школа, которая завлечущим и законоучителем и назначалась, притом и миссия и миссия взором своим видом, да оконченный снаружи, но не оконченный внутри своей постройкой каменный храм окрашивал раздробленную картину пустынную и себя: залпы десница Божия оторвала

отъ симпатичной Пяткина и ея величественнаго
храма и привела меня въ эту пустыню,
где все было такъ скучно, такъ мрачно,
такъ бездушно... И когда въ глубинахъ души я ста-
ралась проанализировать все обстоятельства
моего перехода сюда и задавала себѣ вопросъ:
не моя-ли зарвавшаяся воля была причиной
этого перехода и не мой-ли затуманившийся
умъ привелъ меня сюда, — я должна была
ответить себѣ: "нѣтъ! не мной, эти все совер-
шилось, я действовала какъ-бы въ какомъ-то
снѣ, не отдавая себѣ отчета и яено не всматри-
ваясь въ событія; все совершалось какъ-бы
по иному воли мой. Слѣдов., тутъ была
воля Божія! И передъ этимъ аргументомъ
смыслили все протесты, какія стали зарож-
даться на новой почвѣ и постепенно таяли
и сжигались тоска и тревога моей надвигаю-
щей души. — Долгъ, или лучше сказать одну
комнату въ домъ, меня стали приводить въ
порядокъ, и хотя одна эта комната по и-
рокошности Пятинскаго дома не могла насъ
удовлетворить; но приходившее мирится,

Первая моя квартира въ старомъ Каринскомъ
храмѣ собрана, конечно, массой мебели.

Въ моемъ первомъ словѣ къ новой Харитинской
пастви краснымъ звономъ звучала мысль о
той великой создающей силѣ, которой была
любовь. И къ этой любви я звани мою новую
паству и въ этой любви полагалъ всю существован-
весь успехъ моего пастырскаго дѣланія, объ-
щая съ своей стороны и сама отдавая пастыремъ
и любовь, и все мои лучшія силы души.

Мнѣ хотѣлось искренности и задумчивости
нашихъ отношеній, но оказалось, что народъ
не былъ привыченъ къ пастырской маскѣ. Я видѣлъ,
что ко мнѣ, какъ духовному отцу, приходили
страдающие и обремененные, раскрыли свои
души, повѣдали свои душевныя муки и стра-
данья, но ко мнѣ приходили только съ тайнами,
какая-то боязливо изматывали свои просвѣты и сна-
стившимъ уйти. Я видѣлъ, что въ богданномъ
мнѣ приходѣ между пастыремъ и пасомыми
воздвигнута какая-то медяная стѣна и
воздвигнута она въ теченіи цѣларъ 20 лѣтъ
моимъ предшественникомъ о. Лебедевымъ, который
хотѣлъ и былъ чловѣкомъ большого ума и непре-
клонной воли, но былъ въ то же время ^{человѣкомъ} ~~человѣкомъ~~
сухимъ и властнымъ, сумѣвшимъ только за-
гнать своихъ прихожанъ и отдавать ихъ отъ себя.

Почему он не сумел составить по себе
добрый памятник: никто не сказал о нем ни
одного доброго слова, никто не помнит его
ухода и не помнит ему во время торжества сожигания.
Наоборот, вспомнили все то, что
было двадцать с лишним лет назад ему
предшественником - от Ив. Матв. Лентовского,
и вспомнили любовно, тепло, с сожалением,
вспомнили его кротость, ласки, обходительность
и даже о его недостатках выказывались с
осторожным деликатностаю, стараясь при этом
как обще-применяемую черту человеческую слабость.
В эти сопоставлениях неавторитетная оценка
двух священников, одного любящего, а другого
только по необходимости терпимого, много
представила наглядный пример тому я
должен подражать, чтобы судиться с делами
наша пастырь и, кажется, с этой целью
целью при каждом удобном случае, при
каждом частном разговоре являл с прихо-
жанами, много старались особенно ярко обра-
зовать ещепатриархальный образ о. Лентовского и
мрачный, тусклый характер о. Лебедева.
Я понял, что мой пример в Каринской
должен был быть о. Иване Матвеевиче. —

После роскошной Аятинской природы, после
ласки и приветливости аятинского народа, мне
было на первом пораже в Карминском и петаль-
но и грустно. Вместо основательного — пред-
меной открывалась пустынная степь; вместо
великолепного аятинского храма, — убогая дере-
вская церковка; вместо зеленящегося дачей
Сурби, — подавляющее безделье; вместо зеркаль-
ной поверхности реки Артача и огромного бар-
ского пруда при мраморной, — холодной, убивающей
душу видь мелевого Карминского гора и пу-
стынной окрестности и наконец, вместо
ласки и приветия, ветра и всюду свивавшейся
из усть аятинцев, — закрытая душа и
погиби полная холодность моей новой Карминской
жизни. — Вот что встретило меня на первом
пораже моей новой жизни в в Карминском.
Но и здесь нашлась для меня утешение, где
можно было забыться от холодной действитель-
ности и отдохнуть душой. Это была —
второклассная учительская школа, завдан-
ная которой я был назначен. Педагогический
состав в ней был весьма хороший, а старший
учитель — А. Д. Флоринский был человеком искин-
нительно высокого качества.

У меня было ежедневно тамъ три часа уроковъ. Занимался я по Каттионизму, церковной исторіи и богослуженію. Полюбилъ я и свѣтлыя и утѣшительныя и учительныя. Все лучшее минуло, все лучшее разговоры, задушевная беседа — все это было на первомъ порахъ только въ школѣ. Пригодъ продолжалъ хранить въ отношеніи меня одержанную холодность, не проявляя ко мнѣ ни ласково-доброты, ни резко-непріятнаго чувства. Не успѣлъ ли отъ меня разгадать или я не сумѣлъ провидѣть глубины его чувства но между нами продолжала стоять эта раздирающая насъ отъ него взаимная непониманія до самаго 1908 года. Въ этомъ году произошло событіе, которое какъ-то сразу прояснило на наши отношенія, разъяснило насъ другъ другу и заставило меня определенно занять ту позицію, на которой я стою до сего дня (т. е. до 1921 г.) — Не задолго передъ этимъ временемъ происходило распоряженіе высшихъ церковныхъ властей о разрѣшеніи менашихъ священникамъ поступать для продолженія образованія во всея имперіи Духовная Академія. Не удовлетворенный

Своей пастырской деятельностью в селе,
не видя проявления никаких ласковых чувств
от своей Карлижской пастыри, чувствуя почти
якже указы со стороны родного бывшего
священника Лебедева, постоянно являющегося
на мой двор ломать по конюшню, пив заборы,
то крадутую, считая все это своего собствен-
ностью, — я, наконец, не выдержавши этого и
почти съ отчаянной решительностью хватаясь
за мысль подготовиться и поступить в
Академию. В этой мысли меня окончатель-
но укрепили мои земляки и друзья, а теперь (тогда)
уже студент Петербургской Академии, Свящ.
Н. В. Розовъ, который обвинял меня полное свое
согласие в упреки приписания мне в столице
мгновения, которое могло бы меня обезпечить
на время моего пребывания в Академии.

Всю весну и лето 1908г. я махровочно
этапъ готовилась къ вступительному экза-
мену: читал ^{догматику} церковную историю, Свящ. Ни-
саніе, Философию, но в то же время чувствовал
как охватъ я во всем эти огромные
познания, уже успевшая истаритъ пер мою
память позитъ семинарски мнѣ ученія.

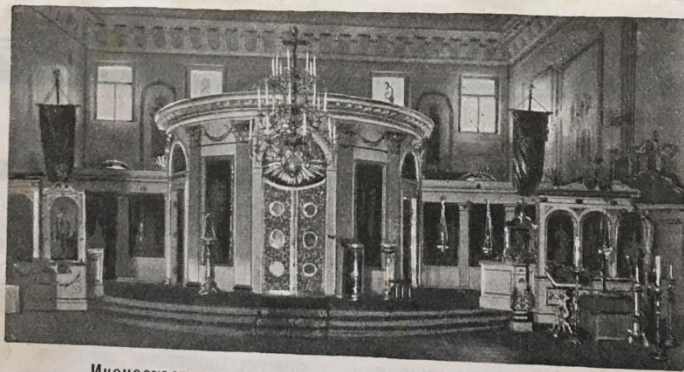

Зданіе Академіи въ Александрo-Невской лаврѣ.

Какъ ни слабы были мои одица познанія для такого серьезнаго экзамена, каковы были тогда вступительный - во вѣтъ Академіи, - я рѣшился попытаться счастья и въ срединѣ Августа 1908 г. потянулся въ Петербургъ. Сначала было дано три письменныхъ экзамена: 1, по психологіи: „Значеніе самопознанія въ дѣль нравственнаго самосозданія челоука“, 2, по сравнительному богословію: „Поманіе о Церкви по Православнаму, Лютеранскому и Римско-католическому ученію“ и 3, поученіе на текстъ: „Блаженніи множетивыи...“ Сверхъ моего ожиданія, сотиненія мои вошли у меня прекрасно. По психологіи мое сотиненіе было оцѣнено баломъ 4,75; по богословію: 4; и поученіе - 4-. Это меня обоурило.

Я сталъ держатъ устный и то-же удо-
влетворительно выдержалъ: по церковной исторіи,
догматическому богословію, св. Писанію вет-
хого Новаго Заветѣа и латинскому языку.
Семинарскій аттестатъ у меня былъ бле-
стящій, тамъ было только три четверки, а
по всемъ остальнымъ предметамъ были кру-
лые пятки. Такъ что все эти въ совокупно-
сти благоприятная обстоятельство давали
мнѣ полное право на поступленіе въ Импер-
скую Академію, куда я и былъ принятъ 22-мъ
студентомъ и даже на казенный счетъ...

Иконостасъ церкви при Академіи во имя Двѣнадцати
Апостоловъ.

Долженъ былъ Ректора Академіи тогда попре-
дѣль инспекторъ г. Архимандритъ Осоевъ, вы-
ступившій Епископъ Полтавскій, съ котораго и
принимавъ 29 Августа служилъ въ Академіи
храмъ болѣе въ Митурію въ сослуженіи епископа

одним священником, студентом 4го курса.
А вечером этого дня и утром 30го Августа
я имел счастье присутствовать за всенощными
и ^{и миссами} миссами в Александро-Невской лавре, где по случаю
храмового праздника служило сам митрополи-
митрополит Антоний во содружении чина Синода
и пели дивно, неподражательно, восхитительно
митрополичий хор, которого пения я до сих пор
не забуду и едва ли более услышу что-нибудь
подобное. Правда, впоследствии, а именно в 1911.
я при канонизации св. Иоасафа Белгородского
был в Белгороде тоже в митрополичьем
хоре, но все же это была своя и по художествен-
ности значительно уступала Александро-Невскому.

Итак, предо мною открылась широкая
перспектива: я-студент столичный Академии
и даже казенный стипендиат! Осталось толь-
ко пойти домой, прощаться с своей Кар-
минской пасторкой и захвативши меня, приехать
в Питеръ и начать свое учение. Но мне ну жно
было еще выработать один и серьезный вопрос:
на каких средства мне будет существовать?

Тотъ Н. В. Розовъ, о котором я уже упоминаю,
и въ этомъ помог мне. Онъ представилъ меня
одному известному тогда в столице профессору

А. П. Васильеву, а этот по ходатайству моему
за меня еще перед ктитором и в результате
за меня было заложено место свещенника в
домовой церкви одного Лазарета с окладом 50 р.
в месяц в месяц. Службу, вышена с по-
мощью моего при экзамене епитимией, это
давало мне достаточные основания на устройство
моего с меня существование, рисуя в будущем
более заманчивым и основательным преемником...

Я телеграфировал моему, что возвращаюсь для
ликвидации своего приходского дела, взял у
Академического наместника материальный отпуск
и поехал в Карлинское. Здесь меня ожидало
большое дело: епитимью, заканчиваясь постройкой
нового каменного храма и мне хотелось
устроить торжество его освящения. Но приезд
домой, я с одной стороны занялся распро-
дачей своего инвентаря, а с другой - епистою х-
потопатис о скоротечной постройке главного
иконостаса, престола, жертвенника. и поодобно
всему торжеству освящения нового храма,
которое было назначено на 21 сентября (1908), не
а что было уже дано разрешение и благословение
мне и Архиепископа Якова. Среди епистою
хитопатис и заботы, конечно, стало известию проф...

что из Каринского я скоро уйду и мнѣ
священника будетъ праздною. Эта вѣсть была
подобна набату, который будитъ спящую, и ко-
мья невольными партиями стали приходилъ и
шумливы и ментуны, спрашивая отвѣтствен-
но ли справедливъ. Сказалъ я своимъ уходъ и не вѣ-
ли мнѣ оставитъ это мое намереніе. Я,
конечно, вѣрилъ определенно и ясно заявляя, что
мой уходъ — фактъ уже совершившійся и я въ
настоящее время не священникъ села Каринскаго,
а студентъ Петерб. Дух. Академіи... Какъ
реагировали мои приятели на мое заявленіе
такихъ мнѣнуду собой я не знаю. Но вотъ насту-
пилъ и канунъ 21го сентября. Стыжались на
освященіе примагеннаго духовнаго лица, принявша
благотинны Н. И. Боголюбскій, принявши мои роди-
тели, стеклось много своего и чужого народа
и началась обаянная порядкомъ вечеруна.

Закончилось эта первая служба въ новомъ
храмѣ, замирали въ высьхлось сводкахъ послѣдніе
звуки птенотной, но почему-ли, смотрю я,
народъ не идетъ изъ церкви? Любуется ли онъ
своими новыми храмами, или все еще востор-
гается впервые услышаннымъ его резонансомъ?
Стою я въ недоумитій и вижу, какъ дора

всёхъ устремленны на меня. Изъ толпы выдвигаются два-три человека и спрашиваютъ меня справедливо-ли случилъ, что я оставилъ Каринскую? И когда я подтвердилъ достоверность этого случая и указалъ на то, что мной уже ликвидированы все хозяйственная дела и все приготовлено къ отъезду, — тогда меня стали просить небыла-ли мнѣ отступить свое намереніе и остаться въ Каринской. Я возразилъ, что просьба эта меня весьма удивила, что я не подозреваю даже присутствіе такихъ добрыхъ чувствъ къ мнѣ у Каринцевъ и что уезду ^{моему} это слишкомъ далеко зашло впередъ, чтобы можно было отъ него мнѣ отказать... И вижу я, что по этимъ морщинистымъ лицамъ катятся одна за другою слезы а кто-то М. А. В-ва, уминскій, рязанской, среднѣйшій мужчина, вынувъ свойъ красный платокъ и утирая градомъ капавшими слезы, говоритъ зачѣмъ я ухожу, зачѣмъ оставилъ эти сироты-ли, что ^{въ Домѣ уходовъ} этотъ великодушный храмъ ступеней и т. п. ... Признаюсь, я испугалась этого слеза. Сначала я думаю, что это только простая фликатіонъ въ движущей мимикѣ и потому не придаю серьезнаго значенія этому разговору, обычному въ подобнаго случаяхъ. Но слеза, которая я увидѣла

на многих глазах, заставили меня иначе взгля-
нуть на дело. Я по опыту знаю, в каких
рядках слушая матерей деревенский мужик.
Часто без одной слезинки он отлучается в моти-
лу еливых близкая и дорогая мать, и тут он
отмакивает своего священника и при этом так
мало еще повинования ему. И когда эта
окружающая меня толпа после вечер
и тишины проевъ поставила мне вопрос
"да" или "нет" — я нашел только одно ей
сказать, что "я подумаю" и свой последний
ответ дал на другой день после освящения
нового храма, когда я буду служить первую
Миссиду по ^{его} освящению. ~~(фраза)~~ Мы разошлись.
Домашние собрались — гости, разговаривая
по поводу этой сцены, которой они были свиде-
телями, говорили, что хотя это и отпадное
явление, но, вероятно, я останусь при своем
мнении и не рискну отказаться от Академии.
Когда я переговорил по этому поводу с женой,
она не дала мне по этому поводу какого-либо
дружеского совета, но я понял, что ей не
было за Академию... Я остался с таким
хаотичным духом и чувством, что привести при
порядок и что-нибудь решить, не имея ^{никакой} возможности.

День освященія храма прошель светлым поряд-
комъ, было много хлопотъ, волненій и я ни мину-
ты въ этотъ день не могъ принадлежать себѣ,
чтобы обдумать свое положеніе и вынести въ душѣ
своей отвѣтъ на тотъ роковой вопросъ, какіи мнѣ
было задано наканунѣ. "Что же я лишь скажу?"

Да, вѣроятно, скажу то, думалось мнѣ, что уже
поздно перергивать такіе вопросы, дѣло давно
слишкомъ далеко впередъ, чтобы можно было
возвращаться назадъ да къ тому-же я уже почти
все пораспродамъ!" Въ такомъ разнообразіи думъ
и чувствъ меня засталъ утро 22 Сент., когда я
долженъ былъ сослужить литургію въ новомъ хра-
мѣ и сказать свое послѣднее слово. Но такъ
какъ это слово у меня не вышло въ душой въ
опредѣленную форму, то я придумалъ отсут-
ствовать еще 26 Сент., въ день Іоанна Блгоуслыш-
наго, а этотъ день прощальнымъ днемъ и
сказавши своей пастыри свое послѣднее "прости",
уехать въ этотъ-же день въ Петербургъ.

Отъѣздомъ къ обѣдину, сошлись народъ, на-
мѣстѣ обѣдина Рязань. Когда, по окончаніи литур-
гій, я вышелъ съ св. крестомъ, народъ видѣлъ,
что я молчу; пробѣжали, по обыкновенно, дѣ-
тиски, стали было подходить некоторые
взрослые, но все вдругъ останавливается

староста м. м. Шешинь и обращаясь ко мне,
говорит: „ну, теперь, батюшка, скажи нам
свое последнее слово.“ Молча замерла. Я же, сжимая
в руках св. крест, опустил свою голову,
как-бы соприкасаясь с мыслями что мне сказать?
И в этот момент вся толпа мужчин и
женщин съ тавель опускается на колени...
Несколько минут только слышатся рыдания
да слышанные голоса: „не уходи, помилуй нас,
останься!“ Я стоял как гримолит пораженный,
эта картина потрясла все мое существо, я
не смел втиснуть, что ^{этот} взрыв мудожнаго народ-
нога чувства отнесется ко мне, я считал себе
в своей доле и даже еще меньше ^{того} достойным
таких слез, таких просьб, таких мольб...
Но вот среди воцарившейся снова тишины
слышится ровной и старчески-ласкающей голос
одного из прихожан, 75-лѣт. старца С. А. Ова
„Батюшка! Ты хочешь высокой науки, ты
уезжаешь в столицу, но посмотри что ты
покидаешь: ты покидаешь народъ, который так
тебя любитъ, такъ проситъ тебя остаться. А,
вѣдь, любовь-то дороже и выше всего! Останься,
отмени свое намерение!“ „Останься, останься!“
какъ это снова прозвучало по церкви.

После этих глубоких по смыслу и чувству слов
после этой потрясающей картины, у меня не
стало больше ни сомнений, ни колебаний, я услы-
шал в этом народном гласе голос Божий
и повинился ему. "А останес", сказали я
гражданинскому народу, да будет воля Божия и ваше
желанье!" Крики радости омрачили храм и
слезы горечи и радости сменились слезами радо-
сти и удивленья. Пискала народъ, пискала я,
плакала прити. Стали слушать благодарствен-
ный молебень и, подхожда по окончанию его, ко
кресту, кланялись мнѣ и благодарили, благодар-
ли безъ конца... Я вернулся домой переполненный
избыткомъ мыслию возвышенною, самыми лучшими
чувствами и ражаживая семью происшедшее в цер-
кви, сказалъ, что сегодня былъ самый счастливый
день моей пастырской жизни! В этот
же день я написалъ два заявления, одно въ Ака-
демию, а другое митрополиту Архиепископу, что по
соображеніямъ чисто пастырскаго характера, я
отказываюсь отъ Академіи и остаюсь въ Карлин-
скомъ. И Академія, и ея экзамены, которые
стояли столько безсонныхъ ночей, и академическая
церковь, где слушалъ, и вѣковая липовая аллея,
где я гулялъ съ однимъ развитымъ митромъ

юношей студентами, — все это пронеслось и
скрылось отъ меня какъ въ какомъ-то вальсе
номъ ентъ. Но зато сцена, которую я пережилъ
въ новомъ Карменскомъ храмѣ, была повороч-
нымъ пунктомъ моего пестерства, когда я
убождая и толкая Бодий сказалъ мнѣ, что я
долженъ принадлежать простому народу и „за-
сласливую долю народную жизнь всего до капли
отдать“.

Вѣковая липовая аллея, насаженная въ первые годы
основанія Академіи.

Какъ то спокойно и радостно едъмалось у
меня на дучи и стемъ я дучаю какъ
бы лучше постоитъ мнѣ пестерское суми-
ніе и едъмалось дучетвительнъ достойнъ
той любви, какую мнѣ засвидѣтельствовалъ
Каринский народъ.

Онова вернулась ко мне моя бытная
пастырская жизнь и мои пастырскія обязан-
ности, къ которымъ я сталъ относиться теперь
съ какой-то особенной любовью и ревностью.
Я неотступительно сталъ поучать моего пасты-
ря стараясь истово слушать и отправлять все
требы съ полнымъ вниманіемъ и усердіемъ.
Но всего этого мнѣ казалось мало. Будучи
въ столицу, я много слышалъ тамъ о той
противоалкогольной борьбѣ, которую вело
духовенство, страдая за попидающую въ немъ
рванства вверенную имъ Божию пасты-
рю. Это время въ Петербургѣ начинало произво-
дять Александро-Невское общество трезвости
руководимое талантливѣйшимъ и идейнѣйшимъ
Протоіереемъ Мартыновымъ, медившимъ по это-
му своему великому и незабвенному предни-
ка а. Александра Рождественскому.
При руководствѣ Н. В. Розова я успѣлъ ко-
гда-то узнать, кой съ тѣмъ познакомился въ
этой области и рѣшила перенести
эпосовъ этой борьбы на свою приходскую
работу, такъ какъ это нѣмаловажно было у насъ
въ деревнѣ черезъ чуръ уже велико. Это мною
было предпринято и сдѣлано въ этой области
лучше разскажетъ прилагаемая здѣсь
моя брошюрка. Въ борьбѣ ^{за народную трезвость и}
(за попидающую буну).

Все эти приобщенная брошюры с достаточной
ясностью раскрывают путь пастырской
работы и противоалкогольной борьбы, какой я
прошел с 1908 по 1914 год, т. е. до того
счастливого времени, когда наступившая военная
судьба, а затем революционный ураган —
смыслили все старая форма жизни и сдвинули
невозможной ту противоалкогольную борьбу, до
подлинной и ненужной, т. к. наступившая, в том
числе гражданской войны, общая государственная
ваздуха не только закрыла все листья
печенки, но и создала голод, холода и
такую обстановку жизни, при которой моя
тщательность, как священника, ограничилась
только хранением, отнявшим у меня тогда
"Домь презвешти", надь созданием которой
я столько потрудила и сь постройкой ко-
торого вь голубь мой зримо столько план
и розовую надежду взглянуть много пастырьства

Возвращаясь мысляю къ тому, сравнительно
недавнему, прошлому, когда на почву нашего Ка-
минского прихода было поставлено, возросло и
загнило пышным цветом распустилось само
свободной, благодатной трезвости, — я вспомню о
этой работе, как о лучшей днелю моей жизни.
Этот чудный трезвый свѣтъ, заземный мой
скромной и неумолимой рукой, свѣтлый и сочный
не только мой паству и мой приходъ, но и къ
намъ потянулось масса измученного алкоголем
и изъ окрестныхъ селъ, и изъ губернскаго
города, и даже изъ другихъ отдаленныхъ городовъ
и селъ. Было много походовъ на поминательство,
когда немедленно, съ приходомъ поезда, ехавшаго
поддержанной подводу и паря къ нашему храму
и „дему трезвости“, когда эти пострадавшіе
во власти „зеленого змея“ люди со слезами и
высказаніями припадали къ аналою съ крестомъ
и Евангелиемъ и давали обѣты своей трезвости.
За все время съ основанія общества трезвости
и до начала революціи было произнесено до
10 тысячъ трезвыхъ обѣтовъ, роздано было
тысячекъ десятокъ тысячъ брошюръ и листовокъ
своего составленія и было сооружено памятниковъ
этого трезвого дѣла „Домъ трезвости“

многими сотнями "бывших людей" указав
был святым путем жизни, многим являясь
матерьяли и дитяем были открыты в лице
мой горькия слезы, а этого, кажется, дово-
но с меня, чтобы с спокойной душой и
свельестью сказать о себе: "Нынче отпущаеши
раба Твоего, Владыко..."

Не знаю, как
будут взысканы и
оцены эти труды
мои на весть вни-
мой Божией правды
такъ какъ судъ Бо-
жий не какъ судъ
человеческий, но по
человечески, по зем-
ле, мои труды
оцены, пойдутъ,
выше иль ниже,
выше иль достоин-
ствъ помянутыхъ
по моему сану на ра-
дот, почитанъ и
меньше иль

Ф. Лу. Петровский и 1913г.

Протоіерей Сергій Петровскій.
1917 г. 16 июля.

Итак, в 1917 году,
на четырнадцатом
году своего священства
и на 36-м году своей
жизни, — я уже
протоіерей! Это
такая честь, такая
высота, отъ которой
можно было почувство-
вать головокруженіе.
Но не такъ я смотрѣлъ
на все эти высокія
и неизгладимыя для
меня отличія. Всяки
разъ они меня путали,
заставляли скорбѣть и
еще болѣе сознавать

свое недостойнство. Я зналъ, что со всякой
новой наградой у меня увеличивается число
завистниковъ и недоброжелателей, которые
при всякомъ удобномъ случаѣ стараются
бросить грязью не только въ меня, но и въ
мое любимое дѣлѣ, — дѣло трезвости. А
это послѣднее мнѣ особенно было тяжело
и больно... — Вотъ въ какому итогу

выразилась вклинная сторона моего пастыр-
ства ко времени перебогачки вселенщины
т. е. ко времени революции, но, конечно, все эти
отличия не могли оказать какого-либо влия-
ния на мой дух, на внутреннюю сторону
пастырства, т. к. я старалась служить Богу
и ближним не из-за чаяния какой-либо
земной награды и отплат, но во имя той
любви к этому делу, какую со себе беру по
дней моей жизни данна въ души моей
Богостепенная благодать... -

За этот период моей жизни семья
моя увеличилась. Хотя родившаяся в 1909 г.
дочь Анна к великой нашей скорби и умирала,
но в Октябре (5го) 1910 года у нас снова
родился сын Сергей. Опыт первой дочки
показал, что они умирают у нас главным
образом оттого, что не выдерживают
искусственного питания, т. к. мать их не
может кормить своею грудью. Поэтому для Сергея
мы постарались найти кормилицу, которая
в первый год кормила его грудью и ребенок
остался жив. Как на первенца, на него
почти все надежда, все радости и родитель-
ские мечты. Его окружили любовью; его

восприимчивость брата мой отец, а восприимчивой сестра - Катя, которые ласками своей любимица как только могли. Но, как ни так, это неслыханное внимание и было причиной того, что ребенок скоро сдвинулся своеирасен и капризен, а главное упрям, так что заставить его отказываться от какой-нибудь ^{свои привлекательности} вещи было очень трудно: приходилось виноватиться, раздирать, а иногда, как и тогда, как и тогда это было, но и наказывать. Я и мать красноречиво ели от этого страдания и в откровенных разговорах между собой порою высказывали самую неутраченную предположений: думали, что с годами это упрямство уменьшится, дитяское непослушание выродится во что-нибудь чудовищное и... тогда прощай наши мечты, прощай наши родительские радости! Правда, его душевная организация была слишком, пожалуй до болезненно эти нервные и эти нервно-статические занятия совершенно пошло двух случаев: бывшего в нашем доме пожара (6 Сент. 1913), когда его спящую разбудили и вынесли из под горящей крыши дома, а во второй раз его укусила бешеная собака и с ним пришлось путешествовать в Самарскую водолечебницу (Май 1914)

Конечно, это эти два факта очень значи-
тельны сами по себе, но для оправдания его
нервозности, но к нашему общему удивлению
с годами стала выплывать всякого характера
и стало заметно больше сознательности, и
уже к 10 годам можно было ее определить
и личность сказать, что кризис миновал
и поворот к лучшему определенно насту-
пает. Учился он начал рано, учиться пер-
вой учительницей его была тетя, моя сестра
Вара и благодаря этому, внимания на него
в школе было обращено вполне достаточно.
Способность его оказалась хорошей, приме-
чание тоже было, и результатом всего
этого было то, что он в три года прошел
начальную школу и только вследствие нефор-
туальной поломки учебного дня в 4-й группе
пришлось в период написания настоящих
строк (1920) оставить его на повторитель-
ной курс в 3-й группе, чтобы не слишком
серьезной работой была перегружена голова
девятилетнего мальтика... К этому времени
он был уже вполне сознательным мальчишкой
и, присутствуя со мной в церкви, облаченной

начи-
его
енки
ктерь
и
едь
оволь
дету-
пер-
еетри
него
отно
рше-
его
рощей
накар-
грунть
аудит
китюю
конт
овь
вранши
и бч и коф
кнай

въ маленькн стихарикъ, раздѣламь со мною
легкія домашнія работы, и уже радостное
сознаніе родительскаго чувства, что я не
умру безвѣдно на землѣ, а буду жить въ
лицѣ своего продолжающагося потомства,
все таже и таже стало постигать моего отца.
Но вотъ разразился революціонный ураганъ,
создалъ новыя условія школьнаго обученія
и воспитанія и я съ затѣнной грустью

думой, таже и таже
взглядывая на эту
беззаботную дитячку
золотку, стала зада-
ваться вопросом:
что убо отрока се
будетъ? "Что выра-
стается и выйдетъ
изъ се тебя, милое
дитя? Пойдешь ли
ты по той ^{же} давннко
дорожкѣ, которую
сознательно избрали
и мои твой отецъ
и мы изберемъ дитя
своего? Возвѣтитъ ли
69

на себя мать престя, которой съ любовью
взяла на себя твой отец, или устранившись
его тяжести, избереши себя другой извѣстной цѣти
Духовная школа уничтожена, специальнаго образо-
ванія, готовившаго дѣтей духовенства къ занятию
церковныхъ должностей, - нѣтъ; думать, что проводя
духовнаго образованія и воспитанія можно возпо-
нить себя, очень трудно. Пусть-же будетъ воля
Божия! Правда, я помню, какъ мои родители вѣтъ
младенца одну только мысль относительно меня:
"воспитать и видѣть меня священникомъ, своимъ
"моимъ священникомъ" у престола Божия. И Богъ
часть свою въ жизни этой радостъ. При жизни своей
отецъ неоднократно сидѣлъ вѣсть со мною у
престола Божия, при чемъ я неоднократно видѣлъ
при этомъ священника какъ его старческую шагу
увлажненную слезами и умиленный взоръ ухридый
въ небеса. Быть можетъ онъ думалъ и эти
мысли какъ дитя - не его любить, первенецъ
всего, вотъ такъ-же будетъ и о немъ приноситъ
безкротную смерть, когда своей мощной рукой
хорошила его отъ взора живаго... И теперь,

(от году дум, временно начинаю писать
по новой орфографии)

В 1915 г. 4 апреля у нас родился второй
сын Николай. Его так же воспитывали при
помощи кормилицы, одной мамой-мещанины, у
которой в войне с германцами убили мужа.
При первом-же проблеске сознания, при первом
детском лепете, ребенок начал проявлять
характерные черты характера: уступчивость, мягкость,
независимость, послушание. Он начал мы часто гово-
рили между собой: "это тип очень тонкой ду-
шевной организации". Но оставив детей почти
без бдительного надзора и не стесняя их в пово-
зовании "улицы", мы к в годах его возраста
его умиасом увидели как эта "улица" да при этом
еще улица новейшей формации, нравственно изу-
родовала нас этого симпатичную ребенка, и
затушевала в нем те симпатичные черты
его души, которыми мы так пленялись в его
раннем детстве. Он стал капризен, своево-
лен и упрям; приходилось употреблять много
ушилий, чтобы настоять на исполнении какой-
нибудь законного и разумного родительского
приказания. Но за то он скоро сдвигая на ласки
и чего нельзя было сделать с ним скоро и
круто, того легко можно было достичь ушаской
масковали словом или шуткой.

зміненія бурею, що незаметно летить часом,
стрілка показувала поздній вечір і подв
звукі зимної бури дом засинав тишиною і
безмятежним сном...

В числу видатніших подій моєї життя
цього періоду скіпаю нудити упоминати о
своєї поїздці в Белгород, на канізацію Св. Св.
Іоасафа. Поїздка ця була багата впечатлені-
ми епічно возвищеннаго характера і оставила
губокій слід в душі моєї. Ці впечатленія
мої були описані на сторінках "Сибір-
скихъ Спархіальнихъ Ведомостей", а потім
издана окремою брошурою под названіемъ:
"Поїздка в Белгородъ", которую я здѣсь
и примаю подимникомъ и которую ея любо-
влю я не разъ перечитываю и перечитываю,
чтобъ воскресити в своєї памяти тѣ незаб-
венна переживанія, якія только разъ в жизни
вспали на мою скромную долю. Поїздка эта
была в 1911 году, в началѣ Сентября, но проше-
кнувшій десятокъ лѣтъ по описаннымъ событіямъ
не изгладилъ в моєї памяти красоту и
яркость тѣхъ всеміственнаго картинъ, якія
протесали тогда моему взору и сознанию
и нравственнаго красоту и величія этихъ кар-
тинъ останута вечно жива в душі моєї...

Среди радостей и жизненного благополучия
иногда налетали на нас и угрозы жизни. Так,
напр., в 1913 г. в ночь с 6 на 7^е Сентября мой
сторени. Ровно в полночь я услышал стук
в дверь, это стучала кухарка из кухни. И когда
я взглянул в окно, то увидел отблески идущего
нагнивающего пожара. Избегаю на двор и.....
что-же? горит крыша моего дома над кухней!
Набегавший народ, в дверь террасы, которая
высвистана в палисадник, вынес все мое
мебель и все мое добро, но только на вышке
в мезонине, сторени весь мой медь (около 15 пуд.)
который я получил отъ своих племян, а
также много и другого добра, вроде варенья,
мача и т. п. Нонесенные убытки по условиям
тогдашнего времени как-то скоро были
забавы и замашены, но осталась неразгаданной
причина пожара. Неосторожностей его огнем
никакой нельзя предположить, так как загорайся
снаружи (со двора) угол кухни и огонь бы скоро
перекинулся на крышу дома, кроме того запах
керосина, пропитавшая землю на месте возни-
кновения пожара, говорит за наличие этого
успока. Но кто это мог сделать? На этот
вопрос в своей совести многа ответит только
кухарка, подозрительное поведение которой при пожаре

Заметил даже и урагникъ, но на вопросе она
дала одни уклончивые ответы и причина пожара
так и осталась покрытой мракомъ неизвестности.

Въ 1914 году мы такъ же пережили большую
семейную неприятность. Нашего, тогда еще един-

ственного, сына Серену укусила на улице гвѣр-
сабаленка, которая по всемъ признакамъ была бешен-

ной. Это было, какъ хорошо помню, 6 мая.

Немедленно сели на поездъ, а тамъ на пароходъ,
и утромъ 7го были уже въ Самарской водолечебнице.

5-недельный курсъ леченія боли пройденъ самымъ
аккуратнейшимъ образомъ и печальной инцидентъ
съ собакой не имелъ никакихъ последствий.

Въ Июле 1914. я взялъ месячный отпускъ и
мы всей семьей поехали въ родное Сутяжино,
на берега лимы Суръ, где радушно были
приняты семействомъ Мосиныхъ, отгосаши
въ чай роскошный садъ, ездили на Суръ,
купались въ ея прозрачной воде, варили урю-
к и дышали воздушнымъ дивнымъ сурскаго бора.

Но только концы нашего пребыванія въ Сутяжи-
но болъ не особенно благополученъ. Во 1^ю я

заболелъ тамъ аппендицитомъ (воспаленіе слѣпой
кишки), хотя на некоторомъ время скоро поправился,

а во 2^ю тамъ застала насъ ужасная война
между Германіей, отчего мы решили немедленно же

прервать нашу отдышку и поскорее вернуть нас
домой, тем более, что надо было поспешить
и къ окончанію постройки новаго дома, кото-
рой возбудилась наша мысль съоруженіем. -
Возвратившись домой, мы нашли картину нашей
такой деревенской жизни сильно изменившейся:
везде были слезы, всюду слышались рыданія, всюду
раздавались плачъ и сетованіе объ ушедшихъ на
войну. Невольно чувствовалось, что вся эта патриар-
хальная тишина, какой мы дышали въ деревне,
навсегда покинула насъ и въ нашу жизнь вошло
что то новое, страшное, безпокойное, что отравляло
жизнь и убивало всю ту деревенскую поэзію тишины
и спокойствія, которой такъ красна и пріятна
была прежде эта скромная, тихая жизнь.
Какъ ни огромно было значеніе этой затрешенной
войны и какъ ни колоссальны были ея послѣдствія,
я не буду на этомъ останавливаться: это уже
область не семейной хроники, а исторіи болѣе
широкаго масштаба. А потому переходу
къ описанію ^{событій} личной и семейнаго характера,
которое на канве этой историческаго события
развернулось потомъ и отнюдь не случайно
можно сказать, что съ началомъ этой широкой
войны, этой проклятой войны, для всей насъ,
свѣтовъ несчастной Россіи, "жизнь кончилась и началось
длинное".

В начале ноября 1914г., когда я был случайно в Омске, мой айпендицит (воспаление слепой кишки) повторился и уже в очень серьезной форме. С большим трудом я дошел до врача, который, собственно, и определил сущность моей болезни, прописавши мне "оріі ричі" — что тогда еще на некоторое время препятствовало мне острой болезненной ощущений, но тут же и предупредил меня что болезнь эта лечится только операцией. В августе 1915г. болезнь снова возобновилась и еще в более сильной степени. Я лежал более недели, местный врач (теперь уже умерший) М. К. Никольский делал все возможное, чтобы облегчить мои страдания, но и он наконец более поставил прямо вопрос о необходимости операции. Лишь только мне стало возможно вставать, я отправился в Омск к известному тогда хирургу Левитцу, который мне еще предложил мне операцию. Я согласился и в указанный срок снова приехал в Омск и лег в больницу. Операция состоялась 24го сентября, накануне дня моего небесного Покровителя Пр. Сергия, оперировали меня без усыпления, операция длилась около 50 минут. Но, как я держал себя во время этой тяжелой операции, не издавши ни единого стопа, ни слова, удивило даже врача.

Днесі черезъ 10^{то} после оперированія, получилъ
небольшое осложненіе: разошлася шель операціи и
мне для вторичнаго зашивленія пришлось итти
месяца еще пролежать въ больницу. Конечно, все
эти событія и тягелыя переживанія прав-
ственно измутили и меня, и мою семью, особа-
но жену, которая столько выстрадала вместе
со мною? за это время, что, кажется, за всю
предыдущую жизнь столько не переживала и не
страдала. Отъ болезни и операціи я оконча-
тельно поправилася только черезъ годъ и все
эти тягелыя переживанія остались для меня
и семьи только однимъ страшнымъ воспоминаемъ.
Но насколько тягелы эти страданія физически
настолько необходимы и полезны они въ смысле
нравственномъ. Помню, какъ я представляя
себе предъ операціей возможность печальнаго
исхода, какъ мгновенно я проучилася съ жизнью,
рисовала печаль и безвыходность оставленной
семьи и безпріютность ея, помню какъ передъ
поступленіемъ въ больницу я шептала и
слышала въ Кладбищенской церкви Литургію,
какъ после службы ходила по кладбищу, итти
грустную надгробіи на надгробныхъ памятникахъ
и думала, гдѣ она, мамаша бѣлая, скоро войти
такъ-же буду лежать въ сырой могилѣ и

и на мою мощь вотъ такъ же будутъ стоять
золотистая лилея березъ и тополя. А жить
такъ еще хочется, жену, родныхъ и маленькимъ
детискамъ такъ мало! Улыбка рожи проно-
сится думя, пронесется вся жизнь и кажется
она такой короткой, такой неоконченной и такой
прекрасной, что оборвисъ она, то действительно
оборвалась - бы она какъ недопетая песня на са-
момъ задумчивомъ стихе... И какъ хорошо,
какъ сладко было после всера этии думи и
тоскисъ передиваннй возвращатъ въ свой
домъ, въ среду любимой семьи, съ какими
испугомъ въ глазае встретиши меня, еще полу-
бодрого, детиски, какъ маленький поговорив-
шый Коля не узнае меня и съ тоскисъ броса-
етъ на грудь своей коршуну и какъ спокойно,
сладко и тихо я уснулъ первую ночь дома,
почти не веря, что кошмаръ остался позади,
а впереди снова жизнь, любимая семья, люби-
мый храмъ и любимый приходъ!...

Какъ хорошо, какъ нравственно - чисто было
на душе, какъ спокойно на совести, - что я
впервые поняе какъ физическя страданнй и
телесная болезни действительно нравственно
оздоравливаютъ душу и вносятъ въ нее тишину,
спокойствье и гармонию всеи ея сущей!...

Снимок 1915 года, сделанный
во время болезни, пред операцией.

Прошел год после
моей операции, в течение
которой я более недо-
люгал, чем чувствовал
себя здоровым и Господь
снова посетил нас
испытанием: в конце
Октября 1916. серьезно
и опасно заболела
жена. Сначала она
разрешилась мертвым
ребенком, а затем полу-

чилось заражение крови, температура поднималась
от высоко и пригласенный врач - гинеколог (м.к.
Николаевский) только подозрительно покачивал головой.
Как врач, он уже вывел свое заключение и от
окружающих его не скрыв безнадежности положения.
Для нас оставалась только одна надежда на
помощь Божию. Исповедать больную мы пригласили
служившего в Карчинском на диаконской вакансии
священника М-ва, а причастить ее я позвала
сам. Во время причащения в комнате больной
находились только мы двое с ней, и потому
при каком исключительном душевном подъеме
совершалось это таинство причащения, когда
священник - мучи напутствовал в вечную жизнь

своею почти умирающую, безнадежно болвную жену.
Сколько было тут слез, хороших, чистых, моментен-
ных слез! Как сильна, вдохновенна и пламенна была
молитва того и другого! И эта молитва до
Бога дошла: на другой-же день температура
стала спадать, болезнь миновала и началось скорое
выздоровление... Всякий комментарий к сказанному
излишни: „чтобы да разумеет!“

Это было в Октябре 1961, а в Ноябре заболел
двухлетний Сережа. Новые страхи, новая волне-
ния! Но благодаря своевременно принятым мерам,
мальчик был спасен.

В начале Декабря 1961. мне снова пришлось
побывать в Петербурге, или как его уже пере-
именовали к этому времени, Петрограде.
Карсунские отделение Всесоюз. Союза презвешников
делегировало меня в качестве своего представителя
на Всероссийский Съезд презвешников, на котором
мне пришлось провести около недели и прочитать
свой доклад: „Алкогольный вопрос при свете пере-
живаемых событий“. Все свободное от занятий
Съезде время я употребил на обзор достоприме-
чательностей столицы; был в Петропавловск. Соборе
на панихиде по В. К. Сергею Александр., слушая дивное
пение придворного хора, был за Литургией в Исаакиев-
ском Соборе, совершающей печальной памяти Митрополит

итомъ Анттриномъ, былъ у раки Св. Александра Нев-
скаго, у гробницы Иоанна Кронштадскаго, в храме
Воскресенія „на крови“; былъ даже в Государственной
Думе во время ея заседаній, былъ в Михайловской
Дворце, осматривая его картины и художественныя
редкости и остановившись во все время пребы-
ванія в столицѣ у своихъ земляковъ и многа
знакомыхъ Розовыхъ, которыхъ были в гимназій,
(О. Н. В. Розовъ былъ уже в то время законоучителемъ
Гимназій и занималъ при ней барскую квартиру)
присутствовалъ даже в Гимназій на концертѣ
данномъ министромъ народнаго Просвѣщенія в честь
отставшихся в этой Гимназій на Всероссийскій Сѣздъ
Директоровъ народныхъ училищъ. Въ Впечатленіи
музыки этого концерта были на столько сильны,
на столько высоко-художественны и на столько
потрясающы, что я, кажется, не могъ первый ного
спокойно заснуть: в моей душѣ все еще раздавались
все еще звучали эти, никогда не слышаннае, эти
чарующіе звуки вдохновенной струнной музыки
и рисовались картины: то Волги с ея привольемъ
и бурлацкими песнями, то русской деревни с ея
монотонной пѣсней, ^{под звуки какою-нибудь „Мотылька и аиста“} то (проносилась картина
своей собственной жизни и молодости, то под
впечатленіемъ музыки Чайковского „в Церкви“ звучали
тоска и показанія начинала плакать собственная душа.

Одним словом, эта поездка, вероятно последняя
в моей жизни, была очень богата своими впечат-
лениями. Вернувшись домой почти накануне
Рождества, я потом целый святки и свои
домашние и свои в Ревельке все рассказа-
вал о тех фиковинках, каких я насмотрелся в
столице и о тех впечатлениях, какими награ-
дила меня эта поездка. На пути из Петрограда
я заехал в Пирозо-Сергиеву Лавру, помнил у гроба
Преподобного Сергия и увидели Митуриню в одной
из лаврских Церквей.

Но вот подошел и 1917 год. Год революции, год
великих потрясений и глубоких переживаний, за
которыми последовали следующие годы еще более
великих потрясений и еще более мучительных пере-
живаний, о которых только история скажет
свое безпристрастное слово. Вследствие создавшихся
новых условий, моя пастырская деятельность
несколько сузилась: не стало общества пресвитеров,
закрывается для законоучительства школа, прекрати-
лись мои отношения как священника к бывшим
прежде государственным учреждениям. Своей сферой
стал только приход и храм. Не отращивая никаких
вружинских обязанностей, я с особенной любовью стал
отдаваться и своим занятиям в храме и своим

требам по приходу. Тщю, скромно, незаметно я стал преодолевать свое пасторское служение, стал утомлять свои труды по проповедничеству, проповедуя чистое Евангелиское учение, тузидое какой либо политики и земная интересов, воспитывая нравственно вверенную мне Богом паству и утешая ее в невзгодах жизни надеждами на будущую, лучшую загробную жизнь...

брат | это | Папа | сестра | Я. | сестра | Надежда, Катя, | Мама
 Лена | жена | Варя | сестра.

родная семья

77

Мнези в эти годы думалась как море в
осеннюю непогоду и высоко поднимавшиеся волны
этого штильского моря не могли не докатить
ся и до нашей семьи: одной из этих стра-
шных волн был свист мой незабвенный, мой
дорогой отец, Дьякон Петр Григорьевич. Это
было 3 марта 1919 года. Около той местности,
где жили мы (т.е. в районес. Карминского, Ре-
портки) вспыхнуло так называемое "тапанное
возмание", возмание крестьян против советской
власти, носившее крайне тупо-кошачий
характер. Уродливая толпа крестьян воору-
женые "дрекотами" выступили против прекрасно
вооруженных и строго дисциплинированных крас-
ноармейских частей. В Карминском эта "война"
окончилась сравнительно благополучно: приехавший
с отрядом красноармейский офицер приказал от-
крыть стрельбу вверх, разоцал скопище народа
и собравши всех на склад в советскую школу
прочитал соответствующую нотацию, тем самым
печальной инцидент "был исчерпан. Я до сих
пор с глубокою уважением вспоминаю этого
начальника отряда, который так гуманно,
тактично и благодарно призвал всех к порядку.

Но не то было в Репьевке, где явил мой
несчастный отец. Там не было ни того „похода“
с „оружием и дресовками“, как в Каринском,
не было ни собрания толпы в момент приезда,
отрада, но тем не менее прѣхавши из Ка-
менки конной разведки подѣхали к дому псал-
ника и отца ввели их того и другого
на улицу и тут-же перед окнами, на глазах
семьи разстреляли..., не предъявивши никакого
обвиненія и никому не сказавши за что.

Убитая горем мать перенесла его тело в
дом, где обмыла его кровь и одѣла в
діаконскія одежды, послала известить нас.

Так внезапно, неожиданно и страшно оборва-
лась его жизнь и вырши налетела на него
смерть, оставивши за собою тяжкое горе и
целое море слез любившей его родной семьи.
Утром, 4го марта (был понедѣльник 3 нед. послѣ)
мы с братом отслужили Литургію и спешно
проехали его христианскому погребенію, опустивши
своими руками в моты, всрыгнуто на
обузи Репьевском кладбищѣ, вмѣстѣ с псал-
ником Николаевым, одинаково похоронены одновре-
менно с нашим отцом. Слетѣвши отсюда
последній долг родителю только близъ

✓✓
жившие дети (я, ^{с Надеждой} брати Лена, сестра Вера) и
вместе с осиротевшей старушкой матерью
оросили своими горящими слезами его муче-
нительное тело. Всякое горе легче переживается
когда люди бывают какими либо обстоятель-
ствами к нему подготовлены, всякая смерть
дорогого и близкого лица делается не так
разительной, когда предварительная болез-
нь подготовляет окружающая ко всякой случайности.
Но смерть нашего дорогого отца была подобна
грому среди ясного неба. За 2-3 дня до своей
роковой кончины он посетил нас своих детей:
был и в Матюнике у брата и у нас в Карлинике.
При этом я не мог не заметить какого-то особен-
ного, меланхолически-грустного его настроения.
Он вовсе был одвевен какой-то тихой, непонятной
грустью! И все ласкал, ласкал своего любимце-
внука - Колю. Как сейчас помню утро Четверга
(28 февраля, погид он в Воскресенье). Он спал в сто-
ловой на оттоманке. Коля, соскочивши утром со
своей постельки, отправился к нему и стал
читать ему наизусть все известная ему стихо-
творения, приводя в восторг своего дедушку. И
все-то утро, пока я лежал в своей комнате, а
мать удиралась по кухне, они верховали с ним...

Дни он уезду. Я видел проводить его за
воротца, при прощании он благословил меня
и больше я не видал его живым на этой
земле. И только через 3 дня я увидал его уже
бездыханным, лежащим на том самом столе,
за которым много-много раз мы с вами
жили в приятной душевной беседе и за кото-
рым так часто собирались вся семья, согрева-
ясь как солнечными лучами, ласками и любовью
нашего безконечно любимого, нашего дорогого и
любимого отца... Отца, похоронили и
вернули в камин в свой дом. И как тяжело,
невыносимо тяжело было первое время! Каж-
дая вещь говорила и напоминала о нем: как
будто 3-4 дня вот он сидит тут, за этим
столом, на этом стуле, вот спит на этой
кушетке, а теперь... теперь он в земле, в
сырой холодной земле, под свинными могила-
ми холмом и крестом и ^{не} придет к нам
больше никогда, никогда...

Поскучная мысль несетя к далекому
прошлому, вспоминается мне все это незаб-
венное время, где камин и мат был связан с
матерью и памятью незабвенною отца.

Вспоминается мне как в первые годы

пребыванія моего в Анатарском д. учешше
я долго и мучительно грустил. Мне почему-то
казалось, что я скоро потеряю своего отца,
и в моем большом воображении вставало
заброшенное кладбище и на самой окраине его
одинокая могила с простым деревянным кре-
стом. Мне чудились напевы зимней мятели,
рисовались сыпучие снега, заметавшие одинокую
могилу... Но мое детство и юность не обра-
щались никуда и в этой светлой юности мой
любимый отец был мне и другом, и братом
и отцом. Все, что было в этой юности страд-
ного, светлого, прекрасного — все было связано
его именем, с его образом, с его чуткой любящей
душой. И все это теперь потонуло в тумане
прошлого и только на унылом Репьевском
кладбище осталась одинокая, грустная могила
с простым деревянным крестом, как ^{рисовалась в мне} (Дитя картин
в моем далеком грустном детстве. И эта кар-
тина, промелькнувшая в силу каких-то непо-
нятных мне предчувствий на фоне моего далекого
детства и потом заблывая мною, вспоминалась
мне теперь, — когда и заброшенное кладбище,
и одинокая могила, и простой деревянный крест
стали не мечтой воображения, а чуждой действитель-
ностью.

1921 годъ
Юль, 16 д
Только что
окончили одну
грустную пове-
сть, как при-
ходится начи-
нать новую,
приходится
брать перо,

чтобы занести в свою семейную хронику
историю новой тяжёлой утраты, историю вне-
данной смерти нашей любимой и дорогой мате-
ри, Пелагеи Алексеевны. После трагической
смерти отца она осталась жить в своей
Репьевской домишке, куда весной 1920 года
переехала из Омска сестра Клавдия, с
своими мужем и детьми. Постепенно боль ста-
ла сгущиваться горько и острота отцовской
утраты, жизнь стала наваливаться и входить
в свои права. Мама нередко посещала по нас
то братя Леонида, в Матюшкине и каждый раз
ея посещение было настоящим праздником для
всех, особенно детишек. А за последнее время
она все чаще и чаще стала заговаривать

об окончательном переезденіи на дитинство ко
мне, как старшему сыну, так ^и постоянная и
своиная заботы по веденію республканскаго дома
делались все более и более ей не пог силу. Хотя
она была необыкновенно подвижная, живая на де-
лах и заботливая, но по ея измощденному мизу
уже лети вечернія тени, чувствовалося, что эти
хриже созданы борется с непогодой жизни только
до первого злого урагана и скоро ея не станет.
Но по человетски думалося, что старушка, обычно,
поболелит, мы собралися около ея постели,
примели ея поведунее материнское благословеніе
и отдавши ей последній долг земли, отнесли
с подобающими почестями ея дорогую прахъ в
родную могилу и положили рядом (над правое
крыльишко, как будто она возвращалась) с прахом
муженика - отца. Так думалося, но не так случилось.
Аюмню, как 9го июля мы увиделись с ней в послед-
ній раз. Она была у нас в Карминском; по обыкно-
венію, вѣзде была, чистила, наводила порядки. Я
куда-то уезжал и, прощаясь с ней, попросил ея
благословенія. Я-ли слишком спеши уезжая, или
она, что-нибудь специально заканчивая, только ~~то~~
в целуя, ^{она} осенила меня двадцати, а не тридцати,
крестными знаменами. И кто мог из нас в дѣлу
минуту подумать, что это было последнее благосло-
веніе...

Ровно через неделю после этого, ея уже не стало
в живых и от сестры мы получили только
лаконическую записку приехать похоронить Ма-
му, скончавшуюся 16 июля 1921. от холеры
и протраваившую только одну сутку... Я и брат
Леня поехали на похороны. Там, около урочища
не было ни души: "все знаменитые" разбежались, а
Клавдия, похоронивши и обрядивши покойницу,
не знала что делать с своими, тогда заболевшими
холерой, людьми. Привезли фрейбшера, он стал
указывать за больными и к утру ему стало
легче, а мы с братом стали готовиться
к похоронам. Никто не идет делать гроб, не
дозволилась никто вырыть могилу, все сторо-
жатся, все боится. И вот, наконец, снарядили
печальный похоронный кортеж: впереди Шура
и Оля, Клавдия детскими, несут иконы; далее
следуют в обратный я, за мной брат Леня
ведет лошадей, везущую гроб с гробом, а за
гробом... одна рыдающая сестра Клавдиного.
"Тихо тащитесь лошадушка", припоминается оди-
нственное, рвущее подвинутое две картины,
и сердце замирает от тоски и муки...
Подходим к разрытой могиле, глаза ищут
дорогой гроб. Вот он на дне ее, опущенный

2 1/2 года тому назад; крошечка его, деланная на скорую
опустилась и прилегла почти к самому покойнику
Я всели засыпать ее землей и сравнять с краями
гроба. И сбылось то, что в то, как бывало мно-
гоблизки с ними распевать: "Взрывота заступом яма
глубокая... Плотно сверху землей придавятся...
Только одним человеком удавится"... Жизнь подтвер-
дила ту страшную картину, которая некогда
представлялась нам с ними печальной и грустной
идеятой, до нас еще тогда так туманной и
далекой, но теперь так неотразимой и страшной.
Далее с гробом матери повторялась та же кар-
тина: "в землю холодную гроб опустили черной
землей его придавили. Сто, дорогая моя!..." —
Оба вместе прошли они жизненный путь
и в одну минуту леги опять непробудными
стали смерти. "Жизнь! о жизни покойен
вопрос. Больше не нужно ни перен, ни слез!..."

Мать Софии. Некрасова.

И даровать вверху могилу
Какъ пройдемъ ты свой единственный путь,
Безнадежно часами еси
И ни ктоль не согреть твою гроб. Аминь
Възро. М. Цейровскій

автографъ покойнаго отца.

Родная семья (снимок, сделанный ранее первого)

Итак, смерть унесла безвозвратно нашего
милую родителей, оставившая сиротой
младшая сестра - Вара перешла на воспитан-
ство в мою семью, а все прочие дети оста-
лись на самостоятельном жизненном пути:
брат Лена - священником в с. Матюшкине, Соколь-
е, сестра Клавда с мужем и детьми в
Ревельском доме, а сестра Катиз - в Сенгилее,
в замужестве за священником А. И. Раскольниковым

Ссорились между Маму и Репьевский дом
для нас, детей, отсутств; стала западать
дорога, стало замечать некое твое след,
которое проторили мы к этому дому за

15 лет нашей
жизни. О,
дети, и наши
мы ходили и
дороженькой,
световой воспо-
и с Репьевским
домом и с твоим

жизни в Кар-
сколько раз ма-
покойно родити-
ездили этой
сколько отрадах,
минаний связано
родительскими
дорогой, по

мама.

которой мы к другу к другу ездили и родили!
Ровно за три недели до смерти Мамы
мы с ребятами отправились в Репьевку
помогать на мотике Папы в день его
именин (25 июня). День склонился уже к вечеру,
когда мы с Серошей и Колей поехали к
Репьевке, стало смеркаться. Думали, не увидит
бабушка в вечерних сумерках, как подвезут к
ез дому внучатки. Нет, не прогадали

бабушка: спешно выходит на встречу, обнимает,
целует, спрашивает, где так долго не жили.
И вот ровно через Знедеш по этой-же дорожке
подъезжаем мы с братом к этому-же родному
дому, подъезжаем и почти во встатриваемся
в знакомый окна: не мелькнет-ли знакомая
моя тень, не сведет-ли к нам на встречу,
но... нет, она мелькала уже в переднем ряду
по образам и спокойная, немая улыбка,
как у живой освещена ее мое лицо.....

Прошло Чóдкы. Теперь опять собрались
уже все (кроме Катеньки), на родную могилку.
Закурившись дыми кадильной, понеслось к небесам
заупокойное пение, пошло на могилку тенью
слез. Господи! думалось в эти минуты, как
непротна человеческая жизнь на земле: давольно
в день патина ильми, мы вместе с моим
моями вот тут-же. Как сейчас рисую
себе в воображении фигуру, ее коленопреки-
ненную молитву, ее крепко прижиматель
к груди пальца... А теперь и она под этим
молитвенным коллом и ее безмерной дух
закатился в той странной и неразрешимой
глубине, которую мы называем вечностью.....

1922. Январь. Опять приходится писать некролог и на сей раз хотя заранее предусмотренный естественным ходом вещей, но все-же печальный и грустный сердцу: 18 января умерла в глубокой старости моя вторая мать воевопитательница, тетка и крестная мать - Екатерина Алексеевна Знаменская. Последняя в 1/2 лет она жила в Карминском, в своей небольшой домишке, который я построил ей в 1915 г. рядом с общинным домом священника. Мне всегда приятно было сознавать что за все ее добро ко мне, за все ее ласки и материнскую нежность, которую она излила на мое детство и юность, - я приняти ее, и на сколько мог согревал и питал ее старости. Она медленно утрачивала сохранила удивительно ясное сознание и порой в задумчивых разговорах мы вспоминали про нее. Нужно сказать, что это была типичная страдальца: ее муж, Павел Иванович, был человек крутой, неукротимый, да в добавок еще и горький пьяница, в своей молодости доходивший иногда до помешательства боялся и прощания. Брань и побои - были явными заурядными. Так что сколько она выстрадала в своей жизни, этого не описать, ни рассказать. Переписать он ни

и сделавшая "человеком" уже более чем в зрелых
годах. Это было в то время, когда он поступил
на службу псаломщика и регента в Алатырское
духовное училище, куда я поступил тогда учени-
ком. Затем за его голос он был выдвинут в
диакона тульские при училище, а потом 1899 году
был переведен в Симв. кафедральный Собор.
Умер он за испанкой в г. Карсуке, куда я
ездил его хоронить (1 янв. 1915), тогда два
продолживши от разбившая его паралича. Во
время его болезни, его кроткая, "Катя" ходила
за ним как за маленьким ребенком вплоть до
самого кончины его, после которой она ушла и
переехала на житье к семье в К-е.
Здесь она могла бы отдохнуть от своей
тяжелой, изнурительной ее жизни, но подошла
к ней собственная старость с ее немощностью и
болезнями, которая все та же и та же стала
ее предупреждать в скором конце. Ушла
она боеспособно "как свечка восковая, пред-
конная", всех нас благословивши и мирно про-
стившись со всеми. Похоронен в ее в
ограде, при каменной Церкви с. Каринского,
избравши величественный уголок против
Никольского алтаря, под тению сосен и

почти против окон своего дома, давая им и
себя, если я умру здесь, и членов своей семьи
если Господь пошлет кому контину, — похороните
в этой — мне теперь родной, могиле...

П. В. Векшин

А год тому назад в
с. Менюковке, Сиб. у.
опустился в мой дом и ему
дорогого мне человека,
крестьянина отца и дядю
Петра Васильевича Век-
шина, всю свою жизнь
продивившего в этом селе
фельдшером. Это был

только один из великодушнейших и сердечней-
ших людей, которая ласка, любовь и приветли-
вость я помню с самого раннего детства. —
Считаю своей непреклонной обязанностью ежегод-
но навещать стариков Векших в Анненковке
и в Менюковку. Но более сознательная и сердечная
отношения у меня с покойным П. В. установи-
лись уже во время моего обучения в Семипалатинске.
Он частенько брал меня на Рождественские каникулы
к себе в Менюковку, где всевозможными развлече-

жизни и удовольствия не было конца. Я
сердечно любил потившая, любил его Пленковку,
куда в последний раз я поехал к нему осенью
1919 года. При расставании мы оба чувствовали
никаким, сердце туго роковую разлуку и дей-
ствительно не обмануло: мы виделись еще
в последний раз и прощались на веки...

Ах, как за последние 2-3 года выросло
родных моих! Был убит отец, скоропо-
слышно умерла мать, умер от тифа
любимый крестник П. В. Векшин и, наконец,
19 января 1922. отпустили в мою доро-
жную крестницу Екатерину Алексеевну.

За кем теперь отороде? Младшей брати
за мной? Да будет во всем воля Божия!

старик Воецке:
Алексей Иванович

Жизнь последних годов сло-
жилась такой бедной,
мрачной, безудейной; в борьбе
за кусочек хлеба погнали
все лучшие мечты и разви-
лись в прах все идеальные
стремления, — тито не страшно
и смерти, не страшна и
молния, в которую рано или
поздно все равно придется
упасть.

Жизнь уложила...

Тяжело, безотрадно, уныло...
Уже много могильных холмовъ
Въ моей памяти высится нынѣ
И терзаетъ мнѣ сердце безъ словъ.

Юность прочь унеслась безъ возврата.
Молодые порывы добра,
Грезы счастья, любовь, вдохновенье—
Гдѣ ихъ чудная скрылась пора?..

Какъ заглянешь въ замолкшее сердце,—
Сколько тамъ непроглядныхъ могиль!..
Это жизнь уложила нещадно
Цѣлый уголь непочатыхъ силъ..

Свящ. В. Бѣлкинъ.

Конец 1921го и начало 1922 года были унылыми враменем: страшный, небывалый голод разлился над нашими Поволжьями. Весною, отъ палящего зноя, сторели травы, посевы, покосы. В начале Юня (1921) стали мять розы и к Петрову дню вся мятва была копчена. Осень и зиму народ питается всевозможными суррогатами растительного свойства, а зимой стал вестъ всякую падаль, не гнушаясь ни падшими лошадыми и даже выкидывавшими на задворки отбросами. Мне один 75-летний старецъ далъ такое признанье: «Батюшка, голодъ вотъ до того меня довелъ: увидалъ я плошею собаку, кость, — отбилъ я у нея эту кость и самъ себе пошелъ сверить ее, чтобы утошить страшное чувство голода!...»

И весне были уничтожены все суррогаты и 86
переходит большинство лошадей и коров, тогда
появились случаи и едой голодной смерти. В
Карлинском их было около двадцати случаев,
официально зарегистрированных. В среднем
картее село представляло из себя пустанное
мертвое кладбище: никто не проедет, ни прой-
дет улицы: все сидят или лежат дома, в
здешних не в состоянии ни за что приняться,
не проведут ни собака, ни кошка, даже
птица погибла с голода. Вот какую страш-
ную картину представляло из себя наше
голодное село! Газета сообщала даже
случаи людоведства на поже голода и будо
случаи эти в Самарской губ. были необычайно
Таску 1922 г. встретили со слезами: когда
обычным порядком в храмовой притворе было
помощно начали псаломный Утрени и пужено
было петь "Христос воскрес", народ рыдал
и пение перерывалось плачем, а когда мне
нужно было читать слово Господи Златоусе
я не мог протворить слов: "трапеза испоч-
нела, насладитесь все, племез уничтожен...."
Но это были последние у насной переживания:
америка прислала голодающим кукурузу и ма-
белым спасенки. Весна 1922 г. настала скоро,
земля покрывалась роскошного пшавою, коншарминован

В церковной жизни этого 1922 года было много новостей: избранный собором 1917 года на Всероссийскую патриархию кафедру Патриарха Тихона, разошелся в своих убеждениях с советской властью, попал под суд, был лишен свободы и принужден был отказаться от управления Русской Церковью. Впредь до созыва Поместного Собора, поручивши управление Ярославскому митрополиту Анафанию. Но последний в управление Русской Церковью не вступил. В Москве образовалось т.н. В.Ц.У. (Всесоюзное Церковное Управление), которому постепенно подчиняется и вся Русская Церковь. Весною 1923г. был собран в Москве Собор, низложивший и лишивший сана Патриарха Тихона, но он, в своем политическом ошибке принял повинную Советской власти, которая его и освободила из-под стражи. Но поручивши свободу и не признавши постановлений о нем Собора 1923г., Патриарх Тихон, в протестное речие самому себе, забывши свой отказ от управления, заявленный в грамоте митроп. Анафанию, снова вступил в качестве Патриарха Всероссийского. Поутлился раскол: одни пошли снова за ним, другие остались за Евлаем. Синодальное (образованное из В.Ц.У.) опасаясь пошлости за Патриархом только потому, что в глазах гражданской власти он еще не был окончательно реабилитирован...

87

В родной нашей Сибирской Спарии появилась настоящая церковная разруха. Застигнутый выше описанными церковными событиями на Сиб. кафедре архиепископ Александр, скоро вышел в отставку и удалился на покой. Наступило "междоусобица". Всеной, после Собора, был назначен Митрополит, который не сумел умиротворить Сиб. Сперию и через 2-3 месяца неожиданно ушел. Выбранским викарием в это время был Александр Воецкий,* — это первый белый священник, рукоположенный тогда по личному и настоятельному своему желанию, как упоминается в В.Ц.У., вскоре после Собора 1923 года. Это был внук тех стариках Воецких, о которых говорилось раньше, от их сына, священника с. Мерауи, Ивана Алексеевича Воецкого. Выбран не симпатизировал ему, как епархиальному архиерею и возмущался. Когда Синод, за отказом М. Митрополита, поручил временное управление Воецкому и тот явился в Сибирск, его не приняли и едва не убили насильственно, так что понадобилось послать его куда-нибудь подальше, где-то его не знали, что Воецк. Синод и епископ, назначивши его в конце 1923 г. в г. Ашгабад, Туркестанские области, куда он и скрылся. Спария опять не успокоилась, бывши на покое Арх. Александр, сделавши

* Потом Воецкий копил много: отведенный от отцовства от сана, от веры и церкви, сделался...

и группой партии консерваторов, согласившихся
стать во главе Сибирской "Автокефалии", и е
ничей като независимой Церкви и присоединили к
себе большую часть городских церквей. Старая
Управление осталось верным Синоду и, и, обр,
получился настоящий раскол, который и продол
жается и по сие время, когда пишется эти
строки (Март 1, 1924г.)

Ж. Празднику Рождества Христова (1923г.)
Свящ. Синод награди меня псалтирей, кото
рая торжественно и была на меня возложена
Епископом Сентимеевским Иоанном, за его Арх
ерейские служения 11 февраля ср. 1924. в Сиб.
Вознесенском Соборе. Этой высокой знак
отличия был даден мне по ходатайству Гена
Свящ. Синода Митрополита Веннамина, бывш.
Сибирского, который помнит меня по моей
бывшей презвитерской работе здесь, и когда
Сиб. Стар. Управление, имея поощрив
меня, представило к "крейту с украшениями"
Митр. Веннамин настоял на псалтире. Впо
следствии Митр. Веннамин писал мне, что Сиб.
С. Управление так было ошеломено этими фактами,
что писало вторичный запрос: чем награжден и
и получивши подтверждение, наконец успокоилось.

Сибирский
РАБОЧИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ

22/II 1924

203

Протоиерею с
оном, Сивилевскому
• Сергий Петров

Сибирской Епархии
сообщает Вам, что Вы на
епископа Христова 1923. В
Синодальном приказе по

Президентов Сибир. Епар. Училищного
Училищного

Училищного. Сивилевскому Прот. Р.

Сергий Петров

К весне 1925г. среди деревенской верующей массы резко проявилось обратное движение: народ не захотел идти за "обновленческими Синодом" и на своих приходских собраниях потребовал от своего духовенства, чтобы оно порвало с Синодом и подчинилось бы "Епископату староцерковников." Духовенство подчинилось воле и значению народа, была сформирована в Москве особая депутация, которая и вступила в молитвенно-каноническое общение с староцерковниками. — Народ успокоился, в Церкви воцарился желанный мир, но только за отсутствием зренья в Святейшей Синодальной Управлении, повлекло духовное своеволие и упадка церковной жизни.

К осени 1924, вырочка на Каринском
пригородском кладбище еще близка сердцу.
моя: 12 Авг. умер мур старшей сестры
Лавен Александрович Петровых, тот самый
которого роковая болеть (холера) пощадила
в день смерти мамы. Поселившись с
семьей на земной отрубке близ Каринки
(Дояновка), он начал вести трудовую жизнь
пашаря-земледельца, не щадя при своих
недостатках ни здоровья, ни сил. После
одного жаркого рабочего дня, он имел неосторожность
выкупаться вечером в реке и... застрял.
Болезнь отняла около месяца и тяжело
ушла. Это страдание было ужасно (видимо
было воспалена вся брюшная полость), но
и терпение было по истине изумительное.
Дважды я его исповедывал и дважды
приобщал Св. Таин. Это исповедь была
умиленная, с потоками слез и поистине
христианская. У меня делается хорошо
на сердце, когда я вспоминаю картину
этой исповеди и этих потоков слез. —
Это я и венчал с сестрой, и первенца
я и крестил, — мне-же пришлось принять
и это последнюю исповедь и отвести к
месту вечного упокоения...

С двумя малолетками осталась на
отрубе, как на острове, сестра Клавдия.
Когда я пишу эти строки, старший
ей мальчик - Мура живет у меня и
учится в нашей начальной школе. Так
я всматриваюсь незаметно в его лицо и
вижу, что раннее сиротство наложило
уже свою неизгладимую роковую печать
на его детские черты: порой такая
грусть в его глазах, такая скорбная
улыбка заметна на его лице. Недавно
мне врезалась такая картина: ветер, я
прилет на кошку, ко мне явились мои
сорванцы - Сережа и Коля и затеяли со
мною возню, наскочат ко мне один спра-
вой, другой - с левой стороны. А Мура
стоял недалеко и смотрел на нас, а
в глазах его было столько скорби! Мне
показалось, что он думал о своем си-
ротстве, что у него нет мамы, ему
не с кем так же вот поигрывать и порезаться,
ему уже нельзя прильнуть к своему
зариному в сырую мотилу папе, как ей-
час вот прильнул к отцу его двоюродный
брат. Мне сделалось грустно-грустно.
Безотчетно знаю много мальчишек - сиротку...

1926. Апрель, 16.

Сегодня большая радость
 в нашей семье: мы переехали в новый свой
 дом и вернулись с "Тетверюваго стоянця"
 после 12 свантшн; первую ночь погули в нем.
 Мелтя о новом доме - моя давнишняя мечта,
 но особенно настойчиво она стала тесниться
 мне в грудь после 1917, когда духовенство
 шло всех своих привилегий, пенсий и
 касе взаимопомощи. Я страшился подумать, что
 будет с семьей моей в случае моей смерти?
 И как только собрался с силами, приступил
 к осуществлению своего плана. Построил я его
 на том месте, где был домик Скагер. Алексеева.
 Дом получился скромный и уютный, вполне
 удовлетворяющий нас своими размерами. А
 с постройкой его сам собой решился вопрос
 где быть нашей "тихой пристани", т.к. за послед-
 ние годы было много соблазнов и предложений
 перебраться в другой приход. Звали на берег Волы
 в с. Тасовку, звали в лучший приход нашего округа
 Бемтановку и наконец звали в Стандрек (к церкви
 Но приветка к Каринскому (ведь уже 20 лет!)
 взята свое. Видимо, такова и воля божиа!
 Пусть и будет Каринское "тихой пристанью", а
 новый дом - родной колыбелью, дающей счаст-
 ливые дни жизни моей на нашей святой земле.

Октябрь. 24. №27. В этот день я жестоко
заболел. За несколько дней перед этим я был в
лесу, промочил себе ноги и, видимо, простудился.
В воскресенье (24 октября) вечером температура
быстро поднялась до 39°, а на другой день до
40 и 41°, а еще через день на лице появилось
рожистое воспаление. Страдания были невыносимы,
и я потуживался, что не переживу их.
Стал думать о смерти и приготовился к
ней... Являлось было страдание, но еще тяжелей
было видеть душевную страдания окружающих
тебя людей, которых не знала покой и едва ли
спала сколько-нибудь в течение 8-10 первых дней
моей болезни. Серома это привозила и отвозила
фельдшера, то ехала с провожающими сообщени-
ями к брату-Лене, а моя младшая Надежда,
как моя первая сестра милосердия моя, вернее ска-
зано, как крошечки Ангел-хранитель не отходила
от моей постели, прислушиваясь к каждому
стону и вздоху и каждую минуту готова ^{была} ^{идти}
и идти посылать какую-нибудь болтушку. И Опять Господь
помогает: кризис миновал, через три дня
встал и пошел и стал медленно поправляться.

Из книги "Тоска бытия".

" День к закату пошлю, тоскою вечер тает.

" А моего мое сердце не ждет! —

" Тихо тает оно, без надежд, без огня...

" Приласкай, убаюкай меня!

" Жизнь прощай, прощайся быстро-мгновенно,

" Тоскою холод печали крутом,

" Тоскою смерти мне грозит, к вечной ночи маю

" Приласкай, убаюкай меня!

" День и ночь я ждал, что Ты
пошлешь мне контину; как муравью, как
ласточка я издавал звуки, тосковал
как голубь; увымо сиротами глаза мои
к небу: Господи, тоскою мне, спаси меня!"

(Исаия 38, 9-14)

11/III 1925г.

„Да будет воля Твоя“...—Изъ иллюстрац. „Р. Паломника“.

Как мне мила вся эта
простота !..

